

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ

Сцена террора в культурных войнах: проблемы воображаемой общности и политики идентичности

С.А. Кропотков

Терракты в Москве и Беслане обнажили глубокую расколотость российского общества, усиливающуюся по мере очередной реструктуризации мирового капитализма. Неравномерность развития регионов в национальном и глобальном масштабе — не только необходимое условие развития капитализма, но и его результат, обостряющий травмы и неразрешимые противоречия предшествующего этапа модернизации. Сам термин «культурные войны» заимствован нами из работ о политиках идентичности таких исследователей, как Барбара Круйкшанк (Cruikshank), Дональд Митчелл (Don Mitchell) и др.

Конфликтность отношений между несовместимыми жизненными мирами внутри культурных сообществ реализуется сегодня либо как культурные войны, либо как культурные политики. И те, и другие являются стратегиями сопротивления, реакцией на негативные последствия глобализации (исламские фундаменталисты, национал-большевики, православные братства и т.п. «сообщества сопротивления»). Различия между ними в том, что к войнам прибегают консерваторы с целью сохранения расшатанных устоев идентичности, мыслимых пределов возможного.

Культурные политики, напротив, делают изменчивой незыблемость прежнего фундамента социального консенсуса национальной идентичности как фактической данности, образа жизни. В качестве результата таких повседневных стратегий сопротивления контркультуры нацелены на трансформацию дискурсивных пределов возможного, демонстрацию условности и изменчивости границы между природой, культурой и политикой. Они ставят «данность» под вопрос, и потому признание ее исторической относительности становится мерой толерантности конкретного общества.

Как контр- и субкультуры, так и «сообщества сопротивления» конструируются вокруг интенсивного переживания *коллективной*

идентичности. Они базируются на символической интерпретации истории, географии, языка и, главное, коллективной приватизации пространства. Ре-территориализацию («заземление») идентичности следует понимать как попытку обрести вновь чувство коллективной укорененности в природе, гарантию самобытности и исключительности.

Подчеркнем, что феномен идентичности как образа, обычно утраченный или оказавшийся под угрозой исчезновения в эпоху механического репродуцирования образов, вписан в западную культуру именно под знаком сходства. Подобно Дон-Кихоту, который, по меткому выражению М. Фуко, сошел с ума в аналогиях в эпоху грандиозных различий, — сознание искателей «подлинной идентичности» повсюду ищет лишь знаки позитивного или негативного сходства, наличия или отсутствия соответствия некоему идеальному и вместе с тем натурализованному паттерну. Р. Барт диагностирует такой тип сознания, как мифологический, когда функционирование знака преимущественно в режиме сходства ограничивается лишь символическим измерением. Это значит, что сходство в отношении означаемого и означающего достигает такой степени прозрачности, которая возможна лишь в условиях игнорирования специфики формы дискурсивного высказывания в художественных или идеологических текстах по поводу национальной самобытности образа жизни. Означающее абсолютно тушется перед означаемым («духом места», «национальным характером») — реальным или концептуальным местом, априори помещаемым за пределы процесса сигнификации. Именно это иерархическое, «вертикальное» — неравноправное отношение между частями знака — обеспечивает пользователей символическим инструментарием «ощущения глубины», на которое претендует «язык Идентичности» в пику пошлым и плоским знаковым обменам повседневности. С другой стороны, лингвистический анализ постструктуралистов бросает свет на то, как с помощью символического «языка Идентичности» — выразителя уникальной индивидуальной или коллективной самобытности — в визуальность инвестируется дополнительное измерение, видимость глубины природных или бытийных корней, поскольку символ всегда уходит к пространству трансцендентного, тяготеет к дискурсу эзотерического.

Любой акт построения и выражения идентичности является актом рефлексии, маркирующим дискурсивное пространство, в котором возникает опыт «это реально я», т.е. становится самосозна-

ние и утверждается аутентичность самости личности или самобытность этноса. Лишь после этого возможна постмодерная проблематизация акта отражения самого себя, вопрошание или оспаривание идентичности. Однако наличие самости как целостного индивидуального или коллективного состояния («народной души»), по сути дела, исключает рефлексию, ибо сохраняющему *самооблагание*, иначе говоря, уверенному в себе субъекту не нужен опыт бесконечного рассеивания самоописаний, тиражирования образов самого себя. Рефлексия начинается лишь тогда, когда современный субъект, утратив целостность, а вместе с ней и уверенность в себе, начинает вглядываться в себя, когда он расколот изменением условий жизни бесконечной модернизации. Так, романтические двойники Гофмана или присваивающие образ Другого самозванцы Пушкина появляются всегда в период внешних или внутренних (субъективных) смут, точно так же как и эскалация национализмов связана именно с началом буржуазной модернизации XIX в.

«Противоречие или апория рефлектирующего по поводу идентичности сознания состоит в том, что сам этот процесс представляет собой, по сути, уже постмодерный опыт — является стратегией удвоения. Всякий раз, когда имеешь дело с идентичностью, возникает что-то, что превышает рамки образа, ускользает из поля зрения, устраняет самость как место идентичности и автономии и — что более важно — оставляет след сопротивления, пятно субъекта, знак противодействия... И в этот момент требование идентичности становится, по преимуществу, ответом на другие вопросы — наделения значением и желанием, культуры и политики»¹. В тот самый момент, когда символическое сознание предписывает знакам идентичности их целостность и единство, их глубину, мы как раз и сталкиваемся с феноменом удвоения, неизбежно разлагающим любую целостность... Происходит спатIALIZация (опространствливание) субъекта, возникает иллюзия перспективы, потому что миметическая рамка или образ идентичности в случае с национальной общностью всегда накладывается на определенную территорию. Но проблема кроется в том, что фигура удвоения априори не может содержаться внутри знака аналогического сходства, которым оперирует субъект в поисках «подлинной идентичности».

¹ Homi K. Bhabha. The Location of Culture. L.; N.Y., 1994. P. 49—50.

Постструктуралистская культурология обнаруживает двойственность дискурса идентичности — идентифицирующего и дифференцирующего одновременно, доходящего до неразрешимых противоречий между чувствами «избыточной полноты» и «недостатка», вплоть до прозрения о собственной ущербности, изгойстве. Раздвоение идентичности базируется, с одной стороны, на стремлении к персонализации коллективной идентичности субъекта (когда «все, как один, умрем в борьбе за это») — как намеком на «подлинную реальность» или «глубинную интуицию бытия» с ощущением «небывалой полноты народной общности». С другой же стороны, в феномен идентичности вписана проблема идентификации в психоаналитическом измерении, которая всегда стремится ответить на вопрос, чего человек или этнос хочет? В смысле, чего же ему недостает? Становление человеческого субъекта современного типа как социально и физически аутентичного образования основывается на неизбежном *отрицании* исходного архаического нарратива бытийной полноты или воображаемого соответствия между индивидуальными интересами, инстинктами и «мировой волей». Заметим, что идентичность никогда не есть априорный феномен, это всегда только проблематичный процесс доступа к образу «целостного бытия». Но именно в этом состоит отличие научного и художественного оперирования концептом идентичности («размолвка с миром, волей», согласно О. Мандельштаму) от идеологического манипулирования образом идентичности как знаком тотальности у всевозможных фундаменталистов (иллюзорное состояние «обладания, приобщения, наличия идентичности»).

Дискурсивные условия такой психической идентификации с образом могут быть выявлены, если осмыслить такой образ общности как неизбежный атрибут коллективного воображения, принадлежащий самой конструкции власти, визуального дополнения ее концепции идентичности. Поэтому образ воображаемой общности как предмет идентификации всегда маркирует собой амбивалетное место. Он всегда представляет пространственный сдвиг — делает присутствующим нечто отсутствующее — и потому предлагает временное откладывание: это репрезентация времени, которое всегда где-то еще, вовне, то, что Деррида называет ностальгическим повторением и замещением отсутствующего истока. Например, у М.Ю. Лермонтова: «Да, были люди в наше время! Не то, что нынешнее племя, богатыри, не вы...» И потому истоки национального характера совершенно невозможно всерьез читать наив-

но миметически — как явление некоей объективной реальности. Но образ идентичности сразу станет доступен адекватному пониманию, если прочитать в нем отрицание оригинальности или самодостаточной полноты национального характера.

Процесс замещения и дифференциации в категориях «отсутствия — присутствия», «репрезентации — повторения» открывает перед нами **лиминальную (пограничную, переходную)** реальность как единственно возможную атмосферную среду для построения и существования идентичности. Ее образ всегда метафорический заместитель, иллюзия присутствия национального характера и в то же самое время метонимия, знак его отсутствия или потери, утраты. В любом случае, **образ идентичности** возникает именно «на кромке значения и бытия, **при сдвиге границы другого**, воображения инакости внутри идентичности», полагает британский философ индийского происхождения Хоми К. Баба. А популярный сегодня на Западе афро-карибский интеллектуал, погибший в борьбе за независимость Алжира в 1961 г., Франсуа Фэнон обозначил это как «белые маски на черной коже».

«Так чего же хочет черный человек? Встречаясь с сопротивлением со стороны другого, мое самосознание подвергается опыту желания... И в той мере, в какой я желаю, я хочу быть признанным. Я ведь не только здесь и теперь, запечатанный в вещественности. Я (живу) где-то еще и для чего-то еще. Я требую внимания к моей *негативной* активности потому, что преследую цели большие, чем жизнь... Я занимаю пространство. Я двигаюсь в направлении другого... и этот эфемерный другой, враждебный, непрозрачный, бесконечно малый — нездешний, в итоге исчезает. Отвращение»². Пожалуй, это проясняет самоубийственные практики шахидов, теракты «Аль Кайды»: их ставка, действительно, «больше, чем жизнь» — сохранение этнической, конфессиональной общности, которой грозит исчезновение в волнах глобализации. Подверженные ее логике, они заняты преследованием неподвластного Другого, желая убить его, убив себя, обретая тем самым суверенность, уже не нуждающуюся в чем бы то ни было признании. Угрозы устроить теракт «зрелищный, символически нагруженный, с максимальным ущербом для экономики и огромным количеством жертв» означают, что их амбиции простираются дальше — занять

² Цитата дана по: *Homi K. Bhabha. The Location of Culture. P. 51; см. также: Гудков Л.Д. Негативная идентичность // Новое лит. обозрение. М., 2004.*

место *того же самого*, т.е. разместиться *вместо* самого господина (Запада, прогресса), и превзойти его в качестве глобальной дестабилизирующей силы.

Так террористы оказываются *вместо* мюзикла, *вместо* праздника, *вместо* учителей, достигая своей цели: быть услышанными (с этой целью говоря не только «громче, но и хуже», по словам М. Жванецкого), увиденными в качестве актеров, подтверждающих застарелый стереотип «горец-воин-разбойник». Как будто начитавшись М.Фуко или Хоми К. Баба, они проникают в метрополию, осуществляющую всеобъемлющий колониальный надзор за периферией, или в школу в Беслане, напоминая властям об этом важнейшем из всех забытых ими институте производства современного субъекта. Оба культурных пространства (театр в столице и школа в провинции) работают в режиме «скопического» (паноптического) управления, осуществления «надзора за зрителями», «присмотра за учениками». «Черный человек» (в данном случае — это маска террориста, как известно, «не имеющего национальности») получает редкое наслаждение — самому сыграть роль субъекта действия и видения, его вожденное, но запрещенное властью желание — занять привилегированную позицию наблюдателя, насильственным путем получить «удовольствие в созерцании». Машина надзора и схема зрелища тем самым переворачиваются. И у власти, и у террористов *объектом желания и борьбы является взгляд*: первая стремится надзирать, второй «урвать» эту привилегию хоть на миг, и в этот момент быть увиденным! Но смотреть — не значит видеть, поэтому оба героя кровавой драмы одинаково слепы...

Вероятный ответ на вопрос Ф. Фэнона «Чего же хочет маргинальный человек?» в таком случае читается следующим образом: он хочет объективировать свою конфронтацию с другими и другостью. В его колонизированной властью душе бессознательно существуют желание отрицания негации, происходит «сдвиг в самом моменте желания, когда различие одновременно признается и снимается» (Хоми К. Баба). В лакановской терминологии язык идентичности, включая его экстремальные проявления, выступает как регулятор желания, он движим стремлением к наслаждению, получаемому от чувства контроля над символическим порядком вещей, стремлением занять место символической власти. Одновременно язык идентичности есть *манифестация утраты*, которая образует сердцевину любого субъекта. И в особенности это «утрата матери (в том числе Родины) как результат отделения от нее, наступающий

с фазой зеркала» — в смысле прежнего органического, целостного существования. Иными словами, это утрата субъектами «опыта невинности» — существования в единстве и гармонии с символическим порядком, который они не могут контролировать. Поэтому язык идентичности есть символизация желания в бесконечном искании контроля над окружающим миром.

Согласно Ж. Лакану, субъекта формирует только выход на сцену символического порядка с его властными структурами производства и получения значений. Вовне символического порядка лежат только психозы. Такое объяснение распространения сцен террора сегодня в мире помогает ответить на вопрос «Чего же они хотят?» А хотят они «всего лишь» возвращения в дозеркальную фазу «единения со своим народом и со своей матерью-родиной», когда *все были как один в борьбе за это*. Пробиваясь отсюда с боями в зазеркалье, к состоянию утраченной неразличимости социальной разнородности русского народа, первобытной недифференцированности и простоты чеченской общности, они обречены попасть в реальности постсоветского социума. Их психоз — от невозможности исполнения подобных противоречивых желаний, когда признание своего различия среди современных народов совмещается с требованием отрицания различия со своими «героическими» предшественниками, скажем, имамом Шамилем и Шамилем Басаевым, ветеранами Отечественной и Афганской/Чеченской войн.

Понятно, что амбивалентная конструкция этнокультурной идентичности с некритической легкостью усваивается различными «сообществами сопротивления» глобализму лишь потому, что феномен идентичности переводится ими с уровня рефлексии на уровень идеологии, т.е. из элитарного акта самосознания идентичность невроза становится товаром массового потребления.

Главными источниками исходящих от глобализма опасностей в «сообществах сопротивления» считаются, во-первых, растворение автономных институтов, организаций и коммуникационных систем, в которых люди привычно жили в доиндустриальной и индустриальной экономике; во-вторых, всеобщая взаимозависимость и «сетевая гибкость», которая затушевывает границы членства в локальных сообществах, индивидуализация социальных отношений производства; в-третьих, кризис патриархальной семьи, коренящийся в трансформации механизмов обеспечения безопасности в семье, системы социализации, сексуальности и, следовательно, самих устоев построения личности³.

Любая идентичность в принципе амбивалентна, сплетена из отношений идентификации (снятия различий) и дифференциации (утверждения и умножения различий). Другой и *другость* в ней — неперемный объект желания и осмеяния, отщепенца и отвращения одновременно. Но артикуляция различий обязательно присутствует внутри фантазий по поводу истоков национального характера и идентичности. Знаковые отношения навязчивого сходства или аналогии принудительно унифицируют опыт самосознания россиян или индусов, как бы давая ему «в зеркале природы» символическое подтверждение в том, что знаки культуры этноса базируются на соответствии природе.

Национализм как явление сравнительно молодое, возникшее впервые на волне буржуазно-индустриальной модернизации в XIX в., оказывается неизбежным спутником и вторичной буржуазной модернизации в странах СНГ. Он застал врасплох ученых и политиков бывшего СССР, хотя для западных исследователей он является хорошо изученным, вполне логичным и по-своему эффективным способом конструирования «воображаемой общности» (Б. Андерсон, А. Аппадюррай, Г.Ш. Спивак и др.) в системе противоречивых отношений между колониями и метрополиями. На территории бывшего СССР национализм оказался «естественной» заменой принципам коммунистического, точнее, пролетарского интернационализма. При всех негативных чертах, как это ни парадоксально, для молодых независимых государств он является поиском путей в современный мир, как идти «в ногу со временем». Нация оказывается характерной формой пространственной локализации и временного бытия культуры. Чувство национальной идентичности, включающее линейные представления о национальной истории, в экономически стабильных и высокоразвитых странах обеспечивает гарантию безопасности в современном мире, в условиях смещения прежних иерархических религиозных или авторитарно-государственных форм социальной организации. Это чувство резко обостряется и становится весьма болезненным в молодых независимых государствах СНГ, где русское население экономически и социально, а фактически и политически оказывается в положении национального меньшинства или новой диаспоры. При отсутствии продуманной национальной политики бывшего имперского центра, когда, в отличие от постиндустриальных стран, экономи-

³ Castells M. The Power of Identity. N.Y.; L.: Blackwell, 2001. P. 65–66.

ческая и политическая система России и стран СНГ работает в режиме не вовлечения людей в свое социокультурное пространство а, напротив, выталкивания, — в этих условиях у значительной части наших соотечественников возникает настроение изгойства, вполне реальный страх выпадения из истории.

В рамках амбивалентности образного представления идентичности, а следовательно, и феномена колониального и постколониального дискурсов как непрременных пространств, где идентичность появляется, разрабатывается и реализуется, можно зафиксировать взаимозависимости имперской и постколониальной идеологии идентичности. В самой конструкции антиколониального дискурса продолжает утверждаться колониальная власть даже тогда, когда она, по-видимому, критикуется в бывших зависимых субъектах. Это проявляется в невольном наследовании от метрополии потребности в расовых, профессиональных, этнических, сексуальных различиях, как воспроизведения отношений господства, смещаемого на более слабого: репрессия переносится на меньшинства для того, чтобы самому встать на место господина. В этой связи антизападные или «антикавказские» настроения в России, равно как и антирусские, — в бывших советских республиках — неизбежно попадают в категорию постколониальных, как превращения (иногда извращения) колониальных психических комплексов.

Таким образом, один из важнейших парадоксов постколониальных идентичностей состоит в том, что самоутверждение для бывших колониальных этносов, так же, как и для «сообществ сопротивления глобализму», возможно лишь на основе правил игры метрополии, в пределах «дискурса большого брата». Иначе говоря, противодействовать постиндустриальной цивилизации можно лишь с максимальным использованием ее финансового, технического, информационного потенциала, полагает М. Кастеллс. Вот почему теракты 11 сентября 2001 г. — это произведения террористов-инсайдеров, а не аутсайдеров, как доказывает хотя бы тот же Дж. Мур в известном документальном фильме «Фаренгейт 9/11». Если постиндустриальная цивилизация бесконечно производит удвоения, разрушая устойчивые связи означающих с объектами, то Мировой Торговый Центр именно потому оказался ее наиболее репрезентативным памятником, что представлял визуально удвоение в чистом виде — как цифру «11»⁴. Надо ли напоминать, что номер рейса первого самолета, вре-

⁴ Бодрийяр Ж. Символические обмены и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 145–146.

завшегося в башни, был номер «011», а другой рейс, тот, что врезался в Пентагон, летел под номером 077?! К тому же Бен Ладен совершил их по законам голливудской эстетики, т.е. находясь уже внутри системы, будучи поработанным ею и встроенным в сверхплотные слои подвластности законам западной цивилизации, равно как и Ш. Басаев — воплощение послушности другой имперской Системе в качестве виновного, поднадзорного, хорошо контролируемого и манипулируемого делинквента (М. Фуко)⁵.

Целью колониального дискурса является конструирование колонизируемых (в российском случае — подвластного населения провинции) как общности дегенеративного типа не столько на основе расового, сколько социально-экономического и классового различия. Данное обстоятельство оправдывает установление системы авторитарного администрирования, опеки и контроля со стороны метрополии как «справедливых» (напомним, что именно программы новостей и криминальные обзоры наиболее близких властям телеканалов и в центре, и на местах всегда давали наиболее мрачную картинку деградации населения, а практики террора служат лишь подтверждению негативного стереотипа «кавказца»). Таким образом, наличие «колониального дискурса» в системе культурных коммуникаций является решающим в процессе производства колонизируемых как такой социальной реальности, которая другая, чем в метрополии, и в то же время полностью познаваемая и обозреваемая, видимая. В нашем случае речь идет о внутренней колонии, когда в качестве квазиколонии выступают деревня, провинция, периферия. Формами протеста являются как уклонение от познаваемости и поднадзорности (скажем, уклонение от переписи населения или утверждения, что «умом Россию не понять»), так и уход в тень (в предельном случае — в «теневой уклад экономики»), наконец, незапланированный выход на сцену разного рода национализмов в пикку космополитизму столичных элит.

Фрагментарный мир российской экономики сегодня, с его множеством изолированных или слабо связанных бизнес-графств, с ограниченными горизонтами мышления (разобщенными субъектами, объединенными докапиталистическими иллюзиями типа «у нас все есть» и «ничто ни с чем не связано»), поразительно напоминает Францию, описанную К. Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 443–444.

Это объясняется отчасти тем, что приватизация посткоммунистического пространства и времени, индустриального потенциала и природных ресурсов страны происходила отнюдь не частнособственническим образом, а именно как коллективное присвоение криминальными, спортивными, административно-территориальными или ведомственными братствами низовой или верхней номенклатуры («синей» или «красной братвы»). Овладение экономическим и социальным пространством сопровождается символическим «огораживанием» (мы лучшие, умные, успешные), чувством избранности у тех, кто оказался внутри корпоративного забора вокруг отдельных процветающих бизнес-графств. Это оборачивается репрессивной логикой исключения в отношении к чужакам и исключительности, некритической снисходительности к собратьям.

Дискурс корпоративной, конфессиональной или национальной исключительности способен держать вместе представителей любой общности независимо от ее размеров и остроты конфликтов с окружающими по поводу передела собственности. Так американцев, несмотря на всю остроту внутренних культурных войн, держал и до сих пор держит вместе «в рамках вынужденного согласия» именно «дискурс исключительности их демократии», как заметил еще в XIX в. А. де Токвиль⁶. Поэтому столько опасений вызывают любые критические теоретизирования об истоках демократии, но в равной степени верно и то, что именно рефлексии о самой природе подобного недобровольного согласия могут порождать раздоры,ходящие до стадии культурных войн.

В свете гегелевского определения современной субъективности, как покоящейся на «3-х китах» — индивидуализме, праве на критику и автономности действия — мужское братство как способ капитализации пространства и времени оказывается *архаическим способом преодоления разрыва с современностью*. Для тех индивидуальных или коллективных субъектов, которые исключены из информационного уклада экономики «глобальной сети» или сопротивляются негативным последствиям глобализации, базирующиеся на религиозной, национальной или территориальной основе сообщества обеспечивают локальные идентичности, как альтер-

⁶ Цит. по: *Cruikshank B. Cultural Policies: Political Theory and the Foundations of Democratic Order // in Cultural Studies and Political Theory / ed. J. Dean. Itaca and L.: Cornell University Press. P. 63.*

нативные способы конструирования значений в нашем обществе. Они могут быть характеризованы следующими чертами: 1) реактивностью по отношению к превалирующим социальным тенденциям; 2) появлением качества «оборонительной идентичности», которая функционирует как пространство «убежища и солидарности» перед лицом враждебного окружения; 3) они конструируются вокруг особой системы ценностей, производства значений, стремление разделить которые и маркирует специфические коды самоидентификации (сообщества верующих, регионалисты, националисты).

Таким образом, конфликтность отношений между несовместимыми жизненными мирами культурных сообществ реализуется сегодня либо как культурные войны, либо как культурные политики. И хотя те и другие являются стратегиями сопротивления, однако различие между ними в том, что к первым прибегают обычно неоконсерваторы с целью мобилизации на «последний и решительный бой» за сохранение утраченных истоков идентичности. Ре-территориализацию («заземление») идентичности следует понимать как попытку обрести вновь чувство коллективной укорененности в природе или гарантию богоизбранности. Культурные фундаменталисты всех мастей могут быть антидемократическими защитниками статус-кво в культуре как «данности», абсолютно необходимой для существования государства-нации. Они могут облачаться в доспехи воителей «единственно правильной веры» или «незыблемых устоев американской демократии». Независимо от конфессиональной принадлежности, они одинаково склонны прибегать к тактике террора, как в Оклахома-Сити, так и в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Социально-интегративная функция подобных акций состоит в тотальной мобилизации ресурсов для совершения «контр-контркультурной революции», по выражению Г. Гемильфарб⁷. Подчеркнем, что сегодня инициаторами эскалации насилия в культурных войнах являются традиционалисты и фундаменталисты, ибо они готовы вернуть «вынужденное (невольное) согласие» любыми внедискурсивными средствами, а если понадобится, то и силой, как раз потому, что не способны победить в войне дискурсов.

Что же касается культурных политик и возникающих в их результате контркультур, то и они тоже являются практиками соп-

⁷ Цит. дана по: *Cruikshank. B. Cultural Politics. P. 70.*

ротивления, поскольку делают наглядно видимой изменчивость национальной идентичности. Вот почему в понимании неоконсерваторов культурные политики как оспаривание культурных данностей (равно как и теоретическая проблематизация последних в неклассической науке) являются знаком упадка и предания анафеме существующего политического порядка. Так риторика возвращения к «традиционным американским ценностям» является одновременно попыткой их натурализовать ценой подрыва их данности. Фактически риторический ход фундаменталистов состоит в том, чтобы присвоить себе монопольное право говорить от имени природы, судьбы или бога, отняв его у других конфессий, суб- и контркультур. Однако в мире неумолимо растущего разнообразия с этим трудно согласиться, так же как «трудно поверить в бытийную укорененность голоса, произносящего доказательство» (Ф. Ницше), тем более доказательства такого рода — оспариваемые «самим фактом существования» рядоположенной инородной дискурсивности.

Всякое даже предметно близкое теоретизирование об «истоках» оказывается ментально чуждым и далеким, поскольку очень опасно для самого фундамента идентичности как объекта анализа, и потому в сообществах сопротивления равно запретны критические теории устоев «американской демократии» или «русской духовности». Вот почему культурные войны фундаменталистов всегда ведутся как минимум на два фронта — не только против культурных политик или контркультур, но и против автономной от религии и идеологии науки. Достаточно вспомнить протесты традиционалистов против клонирования в США или усиленные попытки екатеринбургской епархии РПЦ объяснить «бестолковым ученым» из УрГУ, какая наука подлинная, а какая нет.

На самом деле фронтов может быть много, в предельном варианте — это война против всех, кто не с ними, а по сути же — с негативностью в себе, как закомплексованностью по причине неостановимой изменчивости внешнего и внутреннего мира на протяжении, по крайней мере, последних двух веков. Негативность (другое в тебе как отрицание данности) и изменчивость проникают в самые глубины человеческой субъективности (Г.В.Ф. Гегель), постоянно дестабилизируя ее в эпоху бесконечной модернизации (вот и еще одно бранное слово для фундаменталистов, включая русское производное от него — «обновленчество», за которое воинствующая церковь сразу же предаст анафеме!). Таким образом, непримиримая борьба фундаменталистами каждый раз ведется с чем-то

интимно близким в себе (прямо по Ницше: «в своем друге ты должен видеть своего врага!»), но их лукавство или же интеллектуальная неразвитость состоит в том, что это «другое-в-себе» постоянно параноидально проецируется на окружение, становясь «чужим-во-вне», невыносимым ужасным Другим, нестерпимым различием. Подобно Усаме бен Ладену они ведут ожесточенную борьбу с внутренней оккупацией себя голливудской эстетикой, взрастившим их милитаризмом. С этой точки зрения культурология толерантности не очень уж сильно различается от первоначального медицинского значения термина: толерантность это устойчивость биологической системы к чуждому воздействию. В итоге вся разность позиций современной науки и фундаментализма состоит в отношении к Другому: ставке на его уничтожение или воспитание терпения, устойчивости и выносливости организма к дестабилизирующим факторам.

Актуализация вопроса о европейско-азиатской границе в Екатеринбурге свидетельствует о формировании в Уральском регионе самосознания пограничной идентичности. В обществе проявилось стремление сделать непосредственно видимой специфику региональной истории, показать закономерности опыта прошлых поколений Уральского региона в качестве гаранта экономического процветания территории, обеспечивающего необходимость его автономии от метрополии. И проблема эта не столько природная, физико-географическая, сколько политическая и культурно-семиотическая. У нас на глазах разворачивается семиотическая реорганизация пространства как места конфликтов технократических, финансовых, интеллектуальных региональных элит за символическое овладение городской средой. Примечательно, что лозунги *европейско-азиатской культурной идентичности* стали краеугольным камнем формирования новых идеологий не только на Урале, но и в России в целом, а также и в Казахстане. Сама же тема границы обыгрывается как основа построения идентичности в различных версиях антиглобализма повсюду в мире. Потому что «внешняя граница, очерчивающая пределы западной цивилизации, как некой связанной воедино целостности, сегодня может незаметно обращаться в оспариваемую внутреннюю лиминальность. Тем самым обеспечивается место, из которого могут говорить обе стороны постколониальных отношений — и национальные меньшинства, изгнанники, маргиналы, и представители бывшей метрополии»⁸.

⁸ Homi K. Bhabha. P. 147.

Взамен рухнувших вокруг соцлагеря внешних границ образовалось на самом, казалось бы, «ровном месте» огромное количество границ внутренних, видимых даже из космоса, — межрегиональных, и невидимых парадигмальных, ментальных, межэтнических различий, непрерывно воспроизводимых разностью технологических и жизненных укладов прежде «единого и неделимого Союза». Границы (в том числе государственные) в значительной мере определяют содержание культурных традиций, выступают регулятором национальной или, как в нашем случае, региональной идентичности, а не просто регистрируют условия существования гражданского общества. В развитых странах ареал распространения «национальной экономики» определялся территорией этого государства или его составных частей и до наступления эпохи глобализации являлся основной единицей экономического развития. Неудивительно, что всякое изменение границ всегда влекло за собой существенные и продолжительные последствия для людей. В силу объективных исторических и социально-экономических причин в России произошла инверсия границ внешних и внутренних, что сделало вновь злободневной задачу обживания пограничного культурного пространства, обустройства переходов в нем.

Подчеркнем, что в современном мире богатство и бедность конструируются в первую очередь внутренними различиями, разграничениями социально-экономической среды и культурного пространства. Согласно Э. Соджа, капитализм с неизбежностью характеризуется неравномерным развитием регионов. Само существование его возможно только тогда, когда есть дисбаланс между «недоразвитыми и избыточно развитыми районами». Первые выступают в качестве резерва рабочей силы, равно как и резервного рынка для капиталистического производства, развивающегося спазматическими толчками. Поэтому капиталистическое производство следует рассматривать в географическом контексте как неравномерно развернутую пространственность, рыночный же обмен надо понимать не только как перемещение стоимости между фирмами и отраслями, но и как географическое перемещение стоимости. Примечательно то, что географическое перемещение стоимости — это процесс, при котором стоимость, произведенная в одном месте или районе, реализуется в другом, добавляя тем самым к базе ценностей, благ и, главное, аккумулированного потребляющим регионом капитала. Богатство избыточно развитого региона неизбежно возрастает, несмотря на увеличение стоимости

производства в нем. Быть потребителем оказывается выгодно, но туда «возьмут не всех», потому что доступ к потребительским благам приобретает статусно-классовый характер.

Таким образом, увеличение общественного интереса к внутренним границам объясняется очередным витком переструктурирования экономики, социальной ткани, ментальной карты и культурной среды страны. Реструктурирование понимается современными урбанистами как социальный процесс, вырастающий из неразрешимостей и шоков предшествующего периода развития. Это постоянное изменение и переход, разваливание на части и сборка по новой, деконструкция и реконструкция, вытекающие из ставшей определенно несостоятельной прежней системы действия и мышления. Старые отношения неравномерности развития между городом и деревней воспроизводятся сегодня в глобальном масштабе в виде непрерывно богатеющего центра и столь же неизбежно все более нищающей периферии в международном разделении труда. Причем неравномерность развития создается среди прочего технологической рентой, объясняющей сверхприбыль, которую центр получает именно за счет своей технологической, организационной развитости⁹. Все это с новой силой с неизбежностью воспроизводит регионализм во всех индустриально развитых странах, доходящий порой до сепаратизма, вынуждает российское государство закономерно искать новые варианты региональной политики, в том числе и стратегического культурного планирования «воображаемой общности».

Напомним, что десятилетние усилия посткоммунистической власти внятно сформулировать «российскую национальную идею» так и не увенчались успехом — не давался сюжет, так и не удалось выстроить нарратив, без которого никаких «идей» и национальных идентичностей не может быть по определению. Причины здесь не только объективные (невозможность построения целостной, непротиворечивой модели идентичности), но и субъективные, в том числе эпистемологические — доказанная К. Марксом простая немыслимость общности в ситуации колоссальной фрагментации экономики, усилении разрыва между центром и провинциями.

«Города и горы есть ядра внешнего и внутреннего разнообра-

⁹ Soja E.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. N. Y.: Verso, 1989.

зия ландшафта»¹⁰. Они поляризуют его, как прежде это делали границы внешние, и на сегодня они становятся очевидными, непосредственно данными границами внутренними, организующими не только объективный порядок ландшафта, но и его видение. Мы пришли к выводу, что семантически нагруженный региональный перевал – Уральский хребет, который безусловно *репрезентирован в европейско-азиатской культурной идентичности*, – позволяет начертать историю народа, прочитав национальный нарратив именно как **преодоление**. Этот повторяющийся сюжет воспроизводится в бесчисленных историях, которые российский народ в повседневной жизни, а также в искусстве и науке рассказывает о себе вот уже не одно столетие (Хоми К. Баба вычитывает его, к примеру, в концепции «хронотопа» у М.М. Бахтина). Высказывая гипотезу о содержании российского национального нарратива, мы тем самым можем конвертировать *территорию в традицию*, обратить символическую интерпретацию пограничного регионального ландшафта в «точку сборки», солидарности населяющих его людей не только как этнической, но и как политической общности («мы российский народ»), превращая непереносимое разделение в место амбивалентной психической идентификации.

В политическом и психоаналитическом смысле это означает, что современные российские региональные элиты пытаются обрести при помощи темы евразийской границы пространство для легитимного высказывания. Говоря на границе, о границе и от имени границы они пытаются избавиться от комплекса лиминальности, в терапевтических целях «проговаривая» ее. Логика желания совершенно бессознательно ведет их не к реальному возвращению к утраченным истокам, а к разыгрыванию перформанса на тему хорошо забытого традиционного национального нарратива **преодоления**.

Российская гуманитарная наука еще только подступает к проблеме идентичности во всей ее сложности. У нас все еще не сложился раздел «постколониальных исследований», концентрирующий на Западе междисциплинарные усилия ученых по изучению противоречивых идентичностей колонизированного субъекта и самосознания колонизаторов. Предмет этот чрезвычайно востребован в политическом отношении в условиях непрерывных

¹⁰ Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство // Новое лит. обозрение. М., 2001. С. 96, 100, 106.

культурных войн, захлестывающих все без исключения метрополии после распада колониальных империй. Как часто бывало в России, искусство в таких случаях брало на себя функции восполнения отсутствующей институционально формы знания, позволяющей сделать ткань видимых конфликтов более дифференцированно различимой.

Технологии производства и утверждения национальной идентичности

А.В. Лукина

Развитие современной информационной экономики, выход ее за рамки традиционных национальных государств, формирование транснациональных компаний и корпораций, развитие современных средств коммуникации, процессы глобализации привели к новому всплеску межнациональных и межэтнических конфликтов. Современная постнациональная экономика стала вызовом для привычных моделей коллективной идентичности, в том числе и национальной. В век массовых миграций, процессов глобализации, в которых ключевую роль играют средства массовой информации, телевидение, кинематограф и интернет, само существование суверенитета национальных государств ставится под вопрос.

Россия, включенная во все мировые процессы не менее, а иногда и более остро испытывает все противоречия современного мирового развития. Наиболее актуальными проблемами, как во всем мире, так и в России, являются сегодня проблемы национальные.

Переходный характер современного российского общества не мог не вызвать очередную волну поисков национальной и этнической идентичности как «твердой почвы» в условиях нестабильной реальности.

Причины обострения национальных и этнических конфликтов в современной России во многом являются следствием не только актуальных мировых процессов, но следствием предшествующих этапов развития. Они объясняются особенностями процессов формирования наций и политикой властей в области национального вопроса в досоветский и советский периоды. В связи с этим анализ формирования национальной идентичности и русского национализма царской и советской России, несомненно, актуален для решения проблем, стоящих перед современной Россией.

В данной статье мы попытались провести сравнительный исторический анализ формирования нации и соответствующей национальной идентичности в Российской империи во второй половине XIX в.

и европейских державах (в частности, Великобритании). Достаточно сложно в рамках одной отдельно взятой статьи рассматривать весь комплекс технологий воздействия на воображение и сознание коллективного Субъекта, поэтому оговоримся, что данная статья представляет собой лишь небольшой эскиз, который может быть наполнен и дополнен важным содержанием в ходе дальнейших исследований.

Прежде чем приступить к собственно анализу технологий производства национальной идентичности, необходимо прояснить наши методологические установки и значение таких понятий, как «нация», «национализм», «национальная идентичность». Мы стоим на позициях конструктивистского (постнеклассического) подхода и вслед за Б. Андерсоном, К. Вердери, В. Тишковым, А. Миллером рассматриваем нацию как «воображаемое сообщество», формируемое в эпоху развития капитализма и индустриального общества. Как показывают Б. Андерсон, Э. Геллнер и др., идея нации становится основой для мобилизации и гомогенизации общества в целях модернизации. Процесс строительства национального сообщества включает в себя объективную и субъективную стороны. Одной стороной этого процесса является унификация литературного языка, гомогенизация общества, расширение сети коммуникаций, урбанизация и создание системы массового образования. Другой — конструирование и утверждение в широких слоях общества национальной идентичности.

«Национальная идентичность» понимается нами как форма нарратива (повествования) и перформанса (спектакля), разыгрываемого коллективным субъектом о себе, о своем Другом. Идентичность, по словам М. Фуко, является дискурсивной формацией, следовательно, в формировании национальной идентичности важную роль играют различные дискурсивные практики, или «политики идентичности», субъектом которых выступает власть и элита.

В данной статье мы прежде всего будем говорить о так называемой «навязанной идентичности», транслируемой образованной интеллектуальной элитой и правящей властью при помощи различных медиа (образование, литература, ритуальные и церемониальные практики). Морфологические феномены русской культуры XIX в. мы рассматриваем как формы медиа, при помощи которых формируется, утверждается национальная идентичность и определяются границы «воображаемого сообщества» русской нации.

Россия, как и многие европейские державы, в течение достаточно длительного времени, включая весь XIX в., решала задачи модернизации и индустриализации. Объединение населения, разрозненного

по этническому, лингвистическому и религиозному составу, в единое целое, консолидация общества, как и во многих европейских государствах, происходили вокруг идеи, или проекта «нации».

Главным средством, способствовавшим становлению нового вида общности, т.е. нации, по мнению Б. Андерсона, являлся «печатный капитализм», который «открыл для быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами»¹. Капитализм создал систему, или рынок прессы как «унифицированное поле обмена и коммуникации», с помощью которого происходит распространение идеи, или проекта нации в среде грамотной и читающей публики.

Уже с конца XVIII в. в Российской империи развивается издательское дело, т.е. «печатный капитализм» — производство книг, газет, журналов, которые становятся первыми продуктами массового потребления. В пореформенной России увеличивается число типографий (с 300 в 1864 г. до более чем 1000 в 1894 г.), периодических изданий — газет и журналов («Современник», «Русский Вестник», «Вестник Европы», «Отечественные записки» «Губернские ведомости», «День»), к середине 90-х гг. в России в среднем выходит около 100 ежедневных газет. Таким образом, развитие рынка прессы способствует созданию читательского круга или читательских публик как основы «воображаемого сообщества» нации. Сама форма печатных изданий — газеты или журнала являлась механизмом воображения национальной общности. Б. Андерсон показывает, что чтение газеты стало в Новое время своего рода коллективным ритуалом, заменив собой «утреннюю молитву». Устаревание газеты на следующий же день после выпуска обуславливает время ее потребления. Примерно в один и тот же час анонимные читатели, разрозненные в пространстве, потребляют «бестселлеры — однодневки». Несмотря на то что чтение происходит в частной приватной атмосфере, каждый, кто причастен к церемонии чтения газет, знает, что это действие дублируется тысячами других людей. Кроме того, эта церемония повторяется с «интервалом в день в потоке календарного времени». «Можно ли представить себе более живой образ секулярного, исторически отмеряемого часами воображаемого сообщества? В то же время читатель газеты, наблюдая точные повторения своих действий соседями по метро, парикмахерской или месту жительства, постоян-

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 58.

но убеждается в том, что воображаемый мир, зримо укоренен в повседневной жизни»².

В России, как замечает А. Миллер, формирование общественности, общественного мнения и рынка прессы, как основного на то время средства массовой коммуникации, стало возможным главным образом после реформ Александра II. Именно в «публичной сфере», т.е. в среде образованной, читающей и пишущей публики, и обсуждаются, формируются и воспроизводятся образы нации и концепции национальных интересов»³. Именно читающей, образованной публикой эти идеи транслируются в «народ», «по мере того, как он становится доступен для пропаганды печатного слова»⁴. В пространстве Российской империи формируются различные «читательские публики» или несколько «публичных сфер». Московские и петербургские газеты и журналы доминируют в центральной полосе России и в Сибири, гораздо меньше их читают в западном крае (современная Украина и Белоруссия).

Эти «публичные сферы» можно назвать пространством функционирования националистических дискурсов. В «читательских кругах» на протяжении XIX в., особенно его второй половины, идет процесс производства концепций или проектов «идеального Отечества». Причем, как отмечает А. Миллер, между моментом когда «нация» воображена, т.е. когда ее образ возникает у представителей элиты, и моментом, когда соответствующая этому национальная идентичность утверждается среди большинства членов «воображаемого сообщества» и получает политическое оформление, лежит значительное время⁵. Этот процесс не является предопределенным, наличие нескольких проектов «русской нации» позволяет говорить об альтернативности процессов строительства нации на территории Российской империи.

Конкретные концепции русской нации и модели национальной идентичности, представленные, например, в трудах славянофилов и западников, публицистике и мероприятиях панславистов (Славя-

² Ангерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон – Пресс-Ц, 2001. С. 68.

³ Миллер А. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). www.ukrhistory.narod.ru.

⁴ Там же.

⁵ Миллер А. Формирование наций у восточных славян в XIX в. — проблема альтернативности и сравнительно — исторического контекста. www.empires.ru.

нский съезд), в ритуальных практиках и действиях правящей династии достойны отдельного исследования. Для нас в данном случае большой интерес представляет система средств массовой информации как технология формирования национального сообщества, объединенного на основе причастности к церемонии чтения газеты, журнала, и таким образом включенного в дискурс о нации.

Одним из основных вопросов, стоявших, например, перед Британской империей во второй половине XIX — начале XX вв., была проблема консолидации общества и утверждения национальной идентичности среди таких групп населения, как рабочий класс, ирландцы, шотландцы и жители Уэльса. И в Британской империи (мы имеем в виду островную Британию, без ее многочисленных заморских колоний), и в России, на протяжении второй половины XIX в. идет процесс «внутренней колонизации», вторичного освоения собственной территории и ее разнообразного этнического населения.

В Великобритании этот вопрос решался путем расширения сети публичных школ и увеличения приема в университеты (традиционные университеты Оксфорд и Кембридж, считавшиеся ядром «английскости») представителей среднего и рабочего класса. «С 1855 по 1899 гг. 4/5 студентов университета были выпускниками публичных школ»⁶. Кроме того, в национальную культуру включается этническая периферия государства — Ирландия, Шотландия и Уэльс. Уэльская литература, например, вводится в качестве обязательного предмета университетских программ как часть английской литературы. Открываются кафедры кельтского языка в Кембридже и Оксфорде⁷. В начальных школах Шотландии сохраняется преподавание на гельском языке наравне с английским.

Таким образом, в случае Британской империи мы видим особые отношения центра и периферии, где периферия рассматривается как составная часть целого, вносящая большой вклад в развитие национальной культуры Великобритании. В силу этих отношений центра и периферии в Британии мы можем увидеть формирование общей национальной идентичности при сохранении региональной. «Стремление утвердить общebritанскую идентичность, по крайней мере в XIX в., совершенно не предполагало сделать всех жителей Британии

⁶ *Dodd P. Englishness and the national culture // Representing the Nation: A Reader - Histories, Heritage and Museums. London: Routledge, 1999. P. 90.*

⁷ *Dodd P. Englishness and the National culture . P. 93.*

англичанами. Важно было, чтобы шотландская идентичность функционировала как региональная, т.е. не отрицающая британскую и не выдвигающая требования отдельного государства. Целью была не тотальная, но частичная ассимиляция, которую Юзеф Хлебович называет полуассимиляцией или «культурной гибридизацией»⁸.

Необходимым элементом гомогенизации общества является унификация языка, проводимая при помощи создания словарей английского языка и его диалектов. В 1873 г. издается Английский словарь диалектов (*English Dialect Dictionary*) — «важность этого словаря была выражена в терминах служения нации: «работа большой национальной важности». Словарь диалектов подчеркивал «грубый» характер диалектов. Диалекты, по мнению составителей словаря, должны быть «законсервированы» как артефакты прошлого, а не как приемлемое средство коммуникации в настоящем⁹. Таким образом, словарь представлял собой аналогию музею — собрание лингвистических «мертвых» экспонатов. Сама классификация языка на литературный, нормативный и диалектный, разговорный, низовой, придание одному наречию (в британском случае, наречию центральной части королевства — Британии) статуса литературного, общегосударственного и утверждение его через литературу, СМИ и систему образования формировали гомогенное общество. Словарь в этом случае являлся источником культурной власти, устанавливавшей стандарты «правильного» и «неправильного» языка¹⁰. *Новый словарь английского языка (New English Dictionary)*, изданный примерно в том же году что и Словарь диалектов, призван был утверждать именно «правильный», литературный английский язык.

Стандартизация языка обуславливает введение словесности и национальной литературы в общеобразовательные школьные программы. Именно через Литературу усваиваются правила и нормы литературного языка, которые должны вытеснить *patois* — диалекты и наречия различных местностей и социальных групп. Кроме того, через изучение Литературы «в сознании учащихся выстраивается единый ряд образов и понятий, связанных со своей страной, что и создает, наряду с газетами и журналами, ощущение причастности каждого

⁸ Цит. по: Миллер А. Формирование наций у восточных славян в XIX в. — проблема альтернативности и сравнительно — исторического контекста. www.empires.ru.

⁹ Dodd P. Englishness and the national culture. P. 99.

¹⁰ Там же. С. 100.

человека к «воображаемому сообществу»¹¹. Как полагает И. Хантер¹², изучение национальной литературы укрепило свои позиции в массовой школе благодаря целому ряду обстоятельств. Во-первых, литература и литературная критика рассматривались как логическое продолжение обучения грамоте, столь необходимой для развития капиталистической экономики. Во-вторых, национальная литература второй половины XIX в. активно осваивает социальную проблематику, что, по сути, является аналогом различного вида инспектирующих и анализирующих практик, рассмотренных в работах М. Фуко¹³ (педагогика, криминалистика, медицинская антропология, социальные исследования), развивающихся в Новое время как дисциплинарные средства формирования «прозрачного», лояльного субъекта. «Литература активно поддерживает те же самые моральные и социальные реформы, которые порождают массовую школу. Классический роман XIX в. (в частности, романы Диккенса в английской литературе), множасьшие популярные журналы — все это задает читателю моральные образцы для самоотождествления и подражания, постулирует нормативные ситуации в социальной сфере и их образцовое решение»¹⁴.

В течение второй половины XIX в. Российская империя также решала проблему консолидации общества, и прежде всего включения основной массы крестьянского населения центра и этнических окраин империи в национальное государство и распространение общей идентичности через систему образовательных учреждений и унификацию языка. Реформы образования, периодически проводившиеся в течение второй половины XIX в., особенно в 60-е гг. способствовали расширению круга образованной читающей публики. В изданном в 1864 г. «Положении о начальных народных училищах» декларировалась бессословность школы, предоставлялось право открытия начальных школ общественным организациям (земствам, органам местного

¹¹ Лоскутова М. Национальный литературный канон в средней школе: Заметки о новых подходах к социальной истории образования. www.nlo.magazine.ru. С. 1.

¹² Hunter J. Culture and government: The emergence of literary education. Basingstoke, 1988.

¹³ См.: например, Фуко М. Рождение клиники. М., 1998; Он же. История Безумия в классическую эпоху. СПб., 1998; Надзирать и наказывать. М., 1999.

¹⁴ Лоскутова М. Национальный литературный канон в средней школе. www.nlo.magazine.ru.

городского самоуправления). За десять лет существования земских учреждений (1864 – 1874) было открыто до 10 тысяч земских начальных школ. Кроме того, по инициативе земств появляются формы внешкольного образования, такие как *воскресные школы*, первые в 1857 г. в Киеве, а затем в Москве, Петербурге и многих губернских городах, и *народные чтения*, находившиеся, правда, под строгим правительственным контролем и включавшие в себя лекции на религиозно-нравственную, историческую и военную тематику.

Аналогично британскому варианту, происходит расширение сферы влияния и унификация русского языка. Яркими свидетельствами этого процесса является основание Московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатовым, Петербургской школы славистов И.И. Срезневским, целью которых было собирание и изучение русского и старославянского языка и их диалектов. Функция данных исследований, на наш взгляд, являлась аналогичной *Словарю диалектов английского языка*, о котором речь шла выше – классификация языкового разнообразия империи, «консервация – музеефикация» диалектов как отживших и неприемлемых средств коммуникации, утверждение «правильного» литературного русского языка, например, через издание произведений А. С. Пушкина и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Русский язык, «единственный славянский язык, который выполнял функцию официального языка огромной империи, а значит экспансионистские, ассимиляторские позиции русского языка были поддержаны всей мощью государственных институтов и всеми преимуществами, вытекавшими из владения русским»¹⁵. Во второй половине XIX в. в Российской империи идет постепенный процесс русификации, разнообразной по этническому и лингвистическому составу территории империи. В 1863 г. принят валуевский циркуляр о «приостановлении выпуска в свет массовой литературы на малороссийском языке (за вычетом художественных произведений), аналогичное ограничение было наложено на белорусское «наречие», которое стало все чаще квалифицироваться как «вульгарный жаргон»¹⁶. В 70-е гг. выходит «Эмский указ», по которому все издания на украинском

¹⁵ *Миллер А.* Украинский вопрос в политике властей Российской империи и русском общественном мнении во второй половине 1850 – начале 1880-х гг. www.ukrhistory.narod.ru.

¹⁶ *Долбилов М.* Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863 – 1865 гг. www.empires.ru.

языке должны были проходить через главное управление по делам печати.

Начиная с 60-х гг. и вплоть до начала XX в. постоянно предпринимаются попытки введения русского языка в качестве языка преподавания в начальных народных школах в Украине, Белоруссии и в прибалтийских провинциях. «Преподавание в сельских школах в Западном крае (современная Украина, Белоруссия, часть Литвы) велось на русском или — в местах проживания литовцев — параллельно на русском и литовском»¹⁷. С 1887 г. во всех прибалтийских провинциях русский язык был сделан обязательным языком преподавания во всех государственных школах. В 1893 г. Дерптский университет — одно из самых передовых учебных заведений на территории империи — был закрыт из-за того, что в лекционных аудиториях продолжал применяться немецкий язык.

Таким образом, в течение второй половины XX в. через систему образования идет процесс акультурации («внутренней колонизации»¹⁸) огромного крестьянского населения центра и русификации прилежащих владений империи.

В 1860-е гг. российская словесность выходит на первый план в образовательных программах российских гимназий. В этот период статус классики приобретают произведения Пушкина и Жуковского, Гоголя, Лермонтова, Карамзина, Грибоедова. «Среди тем сочинений на гимназический аттестат зрелости в 1897 г. мы встречаем такие, которые почти без изменений сохранятся в школьной практике на протяжении всего последующего столетия, например: «Умственное и нравственное состояние русского провинциального общества конца XVIII столетия, на основании повести Пушкина «Капитанская дочка», «Фамусов и Чацкий», «Чацкий, Онегин и Печорин» и т.д.»¹⁹.

С другой стороны, говорить об общепринятом национальном каноне в 60 — 70-е гг. еще довольно сложно. Отсутствие стандартизированной программы курса русской литературы (стандартизация происходит только в начале 1870-х) позволяло многим гимназическим

¹⁷ Долбилов М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо- западном крае в 1863 — 1865 гг. www.empires.ru.

¹⁸ Эттинг А. Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации. НЛО, 2003. № 59. www.nlo.magazine.ru.

¹⁹ Лоскутова М. Национальный литературный канон в средней школе. Заметки о новых подходах к социальной истории образования. www.nlo.magazine.ru. С. 11.

преподавателям включать в свои занятия произведения современных им авторов, публикуемых в «толстых» литературных журналах. «Властителями дум молодежи были радикальные литераторы и критики Некрасов и Белинский»²⁰, а также вся современная литература, позднее вошедшая в национальный литературный канон, и прежде всего реалистические романы, наиболее популярный жанр как в Великобритании, так и в России.

Реалистический роман второй половины XIX в. активно осваивает социальную проблематику, поставляя образцы социальных ситуаций и варианты их решений, а также образцы для самоидентификации читателя. Основное отличие русской классики от европейской обусловлено самим характером догоняющей модернизации. В центре социальной реальности, осваиваемой русской литературой, лежит трансформация аграрного общества в индустриальное и сокращение дистанции между образованным обществом и «огромной неведомой реальностью — Народом»²¹.

Реалистический роман, по мнению Б. Андерсона, «дал технические средства для «репрезентации» того воображаемого сообщества, которым является нация»²². Реалистический роман дал новое понимание времени — или одновременности, происходящих в романе событий и различных сюжетных линий, или «сложный комментарий к выражению «тем временем»»²³. Мир и время реалистического романа — аналог социума или образ социума, пробуждаемого в умах читателей автором. Социологический организм, движущийся в календарном времени, охватывающий действующих лиц, автора и читателя, является аналогом нации как монолитного сообщества движущегося из глубины истории²⁴. Реалистический роман, таким образом, создает образ социума, утверждаемый через чтение в умах читателей и, следовательно, определяющий их идентичность. «Роман как сложное и ярко выраженное произведение искусства стал ключевым фактором определения нации как “воображаемого сообщества”»²⁵.

²⁰ Там же.

²¹ *Эткинг А.* Русская литература XIX века: роман внутренней колонизации. www.nlo.magazine.ru.

²² *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 48.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 48–49.

Буржуазные реформы второй половины XIX в., особенно реформа образования, создание народных и земских школ с преподаванием на русском языке расширили круг читающей публики, но не решили проблему консолидации общества в единое национальное государство. Проект национальной идентичности, транслируемый с помощью литературы и публицистики, оказался элитарным проектом в силу недостаточно развитой капиталистической экономики, географической протяженности империи и слабо развитой системы коммуникаций — железных дорог и рынка прессы, затруднявших циркуляцию людей и символов и, самое главное, безграмотности основной массы населения (средний уровень грамотности в России по переписи 1897 г. составлял 21,1 %). Следовательно, формирование национальной идентичности и ее утверждение подкреплялось относительно более доступными массовому потребителю аудио-визуальными технологиями.

Капиталистический экономический уклад требует калькуляции и классификации населения и артефактов культуры, связанных, как показывает М. Фуко, с необходимостью создания «просматриваемого» общества, где каждый член занимает одно определенное место. В ряду таких классификационных и капитализирующих технологий лежит экспозиционная деятельность, и в частности музеев. По Андерсону²⁶, в долгосрочной перспективе музеев, как пространство четко структурированных классифицированных, переписанных, датированных экспонатов, упорядоченных в серийные ряды, выстраивает историческую глубину национальной истории.

Ярким примером выстраивания исторического нарратива русской нации может служить основание по инициативе общественности Исторического музея в Москве (1872 г.). Цель музея, провозглашенная в «Общих основаниях музея» — «служить наглядной историей», для чего «будут собираться все памятники знаменательных событий истории Русского государства»²⁷, — непосредственно отражала процесс формирования национальной идентичности через утверждение, укоренение нации в истории. Вся экспозиция строилась по хронологическому принципу (с древнейших времен), делая види-

²⁵ Brennan T. National longing for form. // The postcolonial studies reader. L. ; N. Y., 2001. P. 170

²⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 202.

²⁷ Уваров А. С. Цит. по: Российская музейная энциклопедия. Т.1. С. 237.

мым движение нации из глубин истории к современности. «Планировка залов была подчинена логике экспозиционного показа важнейших этапов исторического развития России... Карнизы, наличники, мозаика полов экспозиционных залов стилистически воспроизводили детали архитектурно-художественного убранства представляемых эпох»²⁸.

Экспозиционные залы помимо археологических экспонатов, домашней утвари, костюмов, оружия представляемых эпох, включали в себя и произведения искусства на исторические сюжеты современных авторов: живописный фриз «Каменный век» (Васнецов), «Похороны руса в Булгаре» и «Святослав под Доростолом» (Г. И. Семирадский), «Крещение князя Владимира в Херсонесе» (Ф.А. Бронников). Полотна на историческую тему вместе с оригинальными археологическими находками создавали визуальный исторический нарратив, берущий свое начало в полулегендарном прошлом, каменном веке, прошедший через трагические и величественные испытания. Кроме того, основание Исторического музея, который был открыт для публики в 1883 г. в День коронации Александра III, а с 1894 г. стал именоваться Императорским Историческим музеем им. Императора Александра III — являлось символическим актом по национализации правящей династии. Не случайно, своды так называемых парадных сеней, предварявших знакомство с экспозицией, были украшены росписью «Родословного древа государей Российских» Ф. Г. Топорова²⁹. Таким образом, открытие Исторического музея для широкой публики становилось утверждением и зримым воплощением имперского государства как национального.

Кроме того, музей служил важным образовательным учреждением, призванным формировать «приемлемого» для власти и общества субъекта. «Выставки, галереи и музеи представляют собой важную часть массового образования молодежи и взрослых: они вселяют знание, каплей за каплей, через зрение в мышление... они формируют библиотеки тех, у кого нет денег на приобретение книг, они заменяют путешествия тем, у кого нет возможности путешествовать, они являются школами, где воспитывается утонченность и учтивость...внушаются вкус и манеры...»³⁰. Исторический музей строил-

²⁸ Исторический музей. // Российская музейная энциклопедия. Т.1. С. 237.

²⁹ Исторический музей // Российская музейная энциклопедия Т. 1. С. 238.

³⁰ *Murray J. F. The world of London // Blackwood's magazine 51 (1842). Цит. по: Altick R. D. National Monuments. // Representing the Nation. P. 244.*

ся не только как экспозиционное, но и как образовательное учреждение, где постоянно проводились публичные лекции по отечественной истории и культуре.

Как и во всех европейских странах, процесс перехода от аграрного общества и монархического абсолютистского государства к национальному отражается в создании публичных музеев и национализации частных и династических коллекций. Так, после Французской революции Лувр был превращен в один из первых в Европе музеев и национальное достояние. Все коллекции Лувра были систематизированы по хронологическому принципу (от Древнего Египта и античной Греции до искусства Ренессанса и XVIII в.) и национальным школам (Итальянская, Фламандская, искусство Нидерландов и т.д.), данная экспозиционная модель позднее войдет в широкую практику всех музеев мира, включая и российский Эрмитаж.

«Структурированные подобным образом сокровища, трофеи, иконы прошлого стали историей искусства, воплощениями новой формы культурно-исторического богатства. В этом отношении музей являлся сильным трансформатором, способным превратить знаки роскоши, статуса, величия в хранилище символического богатства — наследия и гордости всей нации. Организованные в хронологическом порядке и национальных категориях в музейных залах и коридорах, произведения искусства стали свидетельствами присутствия "гения", пишущего развитие цивилизации в лице наций и отдельных личностей. Ритуальное задание посетителей музея заключалось в том, чтобы заново проиграть историю "гения", прожить этот прогресс снова шаг за шагом и, таким образом, просветиться, осознать себя гражданином наиболее цивилизованного и прогрессивного в истории нации-государства»³¹.

В России, в отличие от Франции, организация музеев происходит по инициативе общественности, как и сама идея нации, формируется и транслируется в среде образованного российского общества. В пореформенный период в российском общественном политическом дискурсе понятие «нация» становится ключевым средством давления на правящую династию. Создание открытых, доступных публичные музеев, Третьяковской галереи, например, на средства общественности и меценатов, не меняло реальное распределение власти в

³¹ *Duncan C. From Princely Gallery to Public Art Museums // Representing the Nation. P. 309.*

стране, но отнимало у власти часть символического контроля, отдавая его нации как целому.

Постепенно императорская власть начинает признавать преимущества музея как символического пространства, в котором ярко и наглядно представлен нарратив о нации. Не случайно после передачи коллекции братьев Третьяковых в дар Москве в 1892 г. в Петербурге открывается Русский музей императора Александра III. Основную часть коллекций Русского музея представляли памятники русского искусства: от иконописи XI – XII вв. до работ Левицкого, Боровикова, Венецианова. И Третьяковская галерея, и музей Александра III, и Исторический музей, открытые для широкой публики в пореформенной России, создавали нарратив русского «гения», движущегося в истории. Через музей идея русской нации, имеющей глубокие исторические корни, богатую многовековую культуру, становилась видимой, а значит, действительной для посетителя музея, выставки. При каждом посещении выставки зритель как бы заново прочитывал, проигрывал исторический национальный нарратив, вписанный в мировую историю.

Цели формирования и трансляции национального нарратива служила и деятельность «Товарищества Передвижных Художественных Выставок». Передвижники выстраивают нарратив нации, прежде всего посредством символизации ландшафта, т.е. через пейзаж. Во многом через пейзажную живопись как форму проживания, освоения пространства конструируется национальная идентичность. Те или иные точки географического пространства, изображаемые и транслируемые искусством, становятся значимыми границами, «домом» нации. Хоми Баба пишет, что «повторяющаяся метафора ландшафта является выражением национальной идентичности, утверждая социальную видимость национального единства»³².

Американский исследователь У. Митчелл предлагает рассматривать пейзаж (освоенный, окультуренный ландшафт) в качестве культурного медиума, выполняющего двойственную функцию: «он натурализует, "оприроднивает" культурные и социальные конструкты, репрезентируя искусственный мир как изначально данный и неизменный»³³. Дискурс империализма представляет себя в качестве экспансии ландшафта, понимаемой как неизбежное,

³² Bhabha H. *The Location of Culture*. L.; N.Y.: Routledge, 1999. P. 143.

³³ Mitchell W. J. *Introduction // Landscape and Power* The University of Chicago Press, 2002. P. 2.

прогрессивное развитие истории, экспансия «культуры» и «цивилизации» — в «природное» пространство. Это движение имеет не только внешний, центростремительный, экспансионистский характер, но и чаще всего сопровождается обновлением интереса к репрезентации «домашнего», родного ландшафта, «природе» империалистического центра.

«Развитие английских форм пейзажа в XVIII—XIX вв. ярко иллюстрирует это двойственное движение. В одно и то же время английское искусство двигается во вне, заимствуя новые формы и конвенции пейзажа из Европы и Китая, и внутрь, пересматривая конвенции ландшафта в собственной стране. Процесс огораживания и сопровождающее его выселение английского крестьянства являются внутренней колонизацией родной страны, трансформацией того, что Блейк называл «зеленой и милой страной», в культурный знак, в эмблему национальной и империалистической идентичности. «Виндзорский лес» является одним из таких символов, выражающих Британскую политическую и культурную суверенность, имперское предназначение, которое фигурирует в «Дубах», — материальной базе для Британского коммерческого и морского могущества»³⁴.

Пейзаж в России также появляется не ранее XVIII в. и во многом восходит своими истоками к европейскому пейзажу того же времени, а через него и к китайскому. В России, как и в Британии в XIX в., идет амбивалентный процесс колонизации, с одной стороны, освоение территорий, прилегающих к империи, отсюда ориентальные, азиатские мотивы в творчестве Верещагина, Рериха, Айвазовского и др., а с другой стороны, идет процесс внутренней колонизации, проявляющийся в интересе к ландшафту родной страны, центру Метрополии.

Процесс самоколонизации, внутренней колонизации в России выразился во все возрастающем интересе к Центральной России, к волжской, тульской, поморской, оренбургской губерниям. Эта часть России играла роль ядра нации, «дома нации», ключевого элемента многих нарративов (этнографические исследования Надеждина, собрание народных сказок Афанасьева, романы Достоевского, поэмы Некрасова и др.). Символизация ландшафта центральной России происходит в творчестве И. Левитана, А. Саврасова, И. Шишкина. Многие из их произведений можно рассматривать в качестве нацио-

³⁴ Mitchell W. J. T. Imperial landscape. P. 7.

нальной иконы, понимаемой как репрезентация «русскости», как «портрет границ нации». Центральная Россия стала символически значимой территорией российского ландшафта во многом благодаря творчеству передвижников.

Хрестоматийные пейзажи передвижников, таким образом, можно назвать репрезентацией «границ» нации, выражением национальной идентичности или средством построения национального нарратива через обращения к национальному ландшафту (в пейзажах), народным сказаниям, былинам, легендам. С другой стороны, русский пейзаж второй половины XIX в. выявляет гибридную природу национальной идентичности, в которой сосуществуют как антиколониальные, национальные элементы, так и империалистические. В этом ключе — «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии» И. Шишкина может быть поставлен в один ряд с «Дубами» английского художника Попа и прочитан как выражение силы и могущественности морской империи, которой Россия и являлась со времен Петра I. Морские пейзажи И. Айвазовского также являются во многом репрезентацией мощи империи и сравнимы, пожалуй, с морскими пейзажами Констебля, который считается подлинно национальным английским художником, сформулировавшим представление об «английскости», чьи произведения являются национальной эмблемой. А изображение бескрайних полей, колосющейся ржи, дремучих лесов — как выражение уникальности, политической суверенности и экономической мощи России.

Благодаря своей образовательной и последовательной демократической маркетинговой политике (художники как производители «пошли в народ», приблизив свой продукт к потребителю), передвижники осуществили трансляцию национального нарратива в массовое сознание. Ставшие хрестоматийными произведения передвижников определили «границы» национального «воображаемого сообщества», которые, благодаря механическому воспроизводству, тиражируемые в течение более века, прочно внедряются в массовое сознание.

Англо-американский философ Х. Баба в своей работе «The Location of Culture» подчеркивает перформативную сторону национальной идентичности. Национальная идентичность производится не только посредством изобразительного искусства, прессы и литературы, но и с помощью театрализованных действий, массовых церемоний или перформансов. Наиболее яркими примерами перформативных технологий формирования национальной идентичности, в описываемый нами период, могут служить Славянский съезд, прове-

денный по инициативе главного идеолога панславизма Погодина, и коронационные церемонии Николая I и Александра III.

По всей Европе в течение второй половины XIX в. мы сталкиваемся с таким явлением, как «массовое производство традиций»³⁵, прежде всего в форме публичных массовых церемоний. Во Франции в 1880 г. впервые празднуется День взятия Бастилии как национальный праздник, включавший в себя официальные и неофициальные мероприятия, фейерверк и танцы на улицах, утверждающие Францию как нацию, к которой причастен каждый, независимо от пола и возраста.

Не нужно говорить о том, какое значение имели массовые церемонии или торжества для советской системы, но церемониальный комплекс, несущий национальные смыслы, начал формироваться в период империи Александра III. Именно в этот период правящая династия под влиянием национально освободительных движений в Европе, да и самой империи (Польское восстание), предприняла попытки трансформации империи в национальное государство, что выразилось, прежде всего, в изменении имиджа самого монарха и изменении коронационной церемонии, хорошо описанной в работе Р. Уортмана «Изобретение традиции в репрезентации русской монархии».

Массовые ритуальные церемонии, проводившиеся в период правления Александра III, создавали новую версию национального нарратива, в котором тесно связывается самодержавие и народ. Новый миф представлял императора «самым русским среди русских», неразрывно соединенным с народом этническими и религиозными узами.

Идеологи официальной народности, считает Уортман, стремились поставить монархию на национальную почву, украшая вестернизированную власть национальными мотивами, отсылавшими к прошлому России. «Коронация Александра III в 1883 г. призвана была еще раз продемонстрировать и укрепить национальный имидж царя, обновив символику привязанности монарха к истокам народного духа в Москве.

Коронация Александра и состоявшаяся всего тринадцать лет спустя коронация Николая II выражали не слияние западного и русского полюсов имперской культуры, но «возвращение домой»: отри-

³⁵ *Hobsbaum E.* Mass-producing traditions: Europe, 1870 – 1914 // *Representing the Nation: A Reader.*

цание этой полярности и восхваление национальной природы русского императора. Риторика официальных и полуофициальных текстов подчеркивала органические, этнические связи простого русского народа с русским царем. Торжества после коронации воссоздавали допетровское прошлое императорской династии средствами изобразительного искусства, поэзии и музыки, составляя вместе политическую идиому русского стиля, *le style russe*».

Национальная идентичность в концепциях славянофилов, западников, панславистов и в официальной идеологии строилась вокруг мотива «утраты», недостатка. Мотив «утраты» характерен, например, не только для многих националистических проектов, но и для травмированного индустриализацией архаического сознания и сознания многих колониальных народов. Конструирование национальной идентичности как «утраченной» будет характерно как для советского, так и постсоветского периода (для А. Солженицына и И. Глазунова, для писателей деревенщиков и части советской номенклатуры, для радикальных националистических движений и партий). Каждый национальный проект, сформулированный во второй половине XIX в., предлагал различные варианты символического восполнения данной утраты: либо через утопию возвращения в «материнское лоно» допетровской Руси (славянофилы), или путем технологического единения с Западом (западники), через объединение всех славянских племен и возвращение к изначальному единству всего славянского мира (панслависты), или восстановление изначального кровнородственного и религиозного единства между царем и народом (официальный, династический). Вышеперечисленные проекты и стратегии постоянно актуализируются в российской культуре уже на протяжении более двух веков. Дискурс утраты давал законное право на вторичную колонизацию, переработку собственного народа, как ресурса для установления легитимности господствующих групп элит.

Несмотря на наличие нескольких проектов русской нации и обилие технологий воздействия на коллективное сознание и воображение, трудно говорить о том, что к началу XX в. на территории российской империи сформировался идентификационный комплекс национального образца; скорее, можно говорить о начале этого процесса. Во многом все проекты превращения империи в национальное государство остались не реализованными элитарными проектами в силу ряда объективных причин: географической протяженности империи, запаздывающего характера российского капитализма, и в силу этого слабо развитого рынка прессы по сравнению с европейскими госуда-

рствами, непоследовательной политики властей в области образования (задачи ликвидации массовой безграмотности так и не были решены).

Процесс образования национальных сообществ на территории российской империи был продолжен в советском дискурсе. Элитарные национальные проекты были осуществлены в течение советского периода в массовом масштабе. Именно в советский период сложился национальный художественный канон, в который были включены и «передвижники», тиражируемые вот уже более двух столетий, благодаря технологиям печати; был создан литературный канон, или национальная классика (причем как русская, так и Литературы Союзных республик), в который вошли избранные произведения писателей XIX в.; музей стал массовым, общественным пространством, посещение которого являлось обязательной программой советского человека. То есть советская система продолжала проект национального строительства и формирования национальной идентичности как русских, так и других народов новой империи. Возможно, только здесь (а именно в послевоенный период, в 40–50-е гг. XX в.) и был реализован проект Александра III – «национализация империи», превращение ее из пролетарской интернациональной в великорусскую. Все медиа-технологии советской власти в итоге дали продукт «национальный по содержанию / советский по форме» вопреки известной формуле соцреализма.

Абсолютно согласимся с Л. Гудковым в том, что в конструировании русской / российской национальной идентичности главную роль играет война и милитаризированный дискурс, что отражает коды имперского сознания. Постоянная война, не заканчивающаяся и по сей день, многократно тиражируемая и постоянно воспроизводимая в телевизионных сериалах, кинофильмах и новостях, российской эстраде, «интерпретировалась (*и интерпретируется*. – А. Л.) как значимый компонент всего символического целого, органического социального порядка, на котором основывалась русская держава»³⁶. Война перманентно присутствует в российском обществе как мобилизующее и организующее начало и представляет собой механизм производства и воспроизводства национальной идентичности через переживание пограничного смерти лиминального, экстремального опыта.

³⁶ Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002. М.: Новое лит. обозрение, ВЦИОМ -А, 2004.

Нам кажется вполне уместным привести здесь слова К. Маркса, описывающие Французскую империю времен Луи Бонапарта, но в которых очень точно прослеживается аналогия с Россией: «военный мундир был их собственным парадным костюмом, война — их поэзией, увеличенная и округленная в воображении парцелла — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности»³⁷. Как и во Франции, армия в Советском Союзе обеспечивала бывших крестьян, лишенных реальной собственности, иллюзорным (превращенным) чувством собственности. Создавая в воображении сообщество, объединенное совместным проживанием экстремальных ситуаций на грани жизни и смерти и комплексом жертвенности. В этом проявляется игра метонимической и метафорической сторон в конструкции национальной идентичности (Х. Баба). Первая выражается в отождествлении части целому. Армия и была той частью, которая заменила собой иллюзорно отсутствующую общность. Солдат в своем воображении являлся обладателем суверенитета нации через ее часть, «военную машину». Война и встреча со смертью для люмпенизированных служащих, лишенных другой собственности, представляла собой «превращенную форму» обладания собственностью в виде «Родины — Матери», «Земли». Метафорическая сторона выражалась в сравнении и уподоблении себя архетипическим, мифологизированным образам, в избытке поставляемых медиа (заметим, что в основном эти образы носят военизированный характер).

Современные российские социологи доказывают, что травма войны до сих пор не преодолена в сознании россиян, постоянно проявляясь в самых разнообразных формах, в качестве комплекса жертвы и жертвенности или в «нарциссическом комплексе» победителя. Это позволяет сказать, что в конструкции русской и современной российской национальной идентичности присутствует ряд идеологических клише и комплексов, характерных для травмированного сознания многих колонизированных народов. Они же воспроизводятся в сознании Субъекта внутренней колонизации (мы говорим о россиянах, колонизированных собственной Властью уже самой практикой ведения военных действий).

³⁷ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1980. С. 512.

Этнорегиональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан)

Л.В. Сагитова

Динамика событий на территории современной России и бывшего Советского Союза привлекает внимание исследователя трансформациями массового сознания. В первую очередь, это касается идентичности граждан бывшей советской империи, так быстро отказавшихся от самоидентификации «советский народ» в пользу локальных, или региональных идентичностей. Что повлияло на столь быструю смену общегражданской (советской) идентичности на региональную или этническую идентичность? Какие события и силы играют ведущую или подчиненную роль в происходящих трансформациях? Можно ли выявить механизмы этих трансформаций? В настоящей статье автор попытается найти ответы на поставленные вопросы, используя свой опыт и наблюдения, которые удалось накопить в ходе этносоциологических исследований, проводившихся в Татарстане с конца 1980-х гг.*

Для анализа важно соединить две взаимосвязанные составляю-

* Республиканский этносоциологический опрос татарской художественно-творческой и научной интеллигенции (1990 – 1991 гг., рук. Д. Исхаков, Р. Мусина, Я. Гарипов); проект «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (НИК) (1993 – 1996 гг., рук. Л. Дробижева); проект «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999 – 2000 гг., рук. Л. Дробижева); индивидуальные авторские проекты: «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-политической трансформации общества в Татарстане» (1996 – 1997 гг.) и «Особенности постсоветской политической социализации молодежи в Республике Татарстан» (2000 – 2002 гг.), поддержанные фондом Маккартуров; проект «Разработка методов диагностики толерантности в средствах массовой информации» (2001 – 2002 гг., рук. В. Малькова) в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001 – 2005 гг.).

щие процесса формирования региональной идентичности. Первая связана с перераспределением властных полномочий между Центром и регионами, основной импульс которого был задан политическими элитами. Поэтому интересы татарстанской элиты можно отнести к динамической составляющей процесса формирования республиканской идентичности. Однако масштабные социальные изменения невозможны без подготовленной социальной почвы — интересов и настроений большинства населения региона. Это — вторая, инерционная, составляющая процесса. Выявление факторов, влияющих на процесс конструирования региональной идентичности в современном Татарстане, является основной целью данного исследования. Следует оговорить, что мы будем рассматривать лишь одну из составляющих региональной идентичности — этническую, хотя последняя сосуществует и взаимодействует и с республиканской гражданской, и с территориальной идентичностями. Стимулы их формирования и сложность конфигураций их сосуществования требуют отдельного глубокого исследования.

Сам по себе феномен идентичности имеет двойную направленность. С одной стороны, он является инструментом для поддержания субъективной реальности отдельной личности. С другой стороны, идентичность может использоваться влиятельными социальными группами в качестве инструмента социальной инженерии. Исторический опыт свидетельствует, что именно этническая идентичность становится объектом внимания политиков, с успехом использующих этнические ценности в своих идеологических доктринах и тем самым обеспечивающих себе широкую социальную поддержку.

Поскольку в исследовании анализируется конструктивистская деятельность элитных групп, то в качестве источника была избрана республиканская пресса. Именно ежедневная газета, транслирующая идеологию власти, делает ее частью обыденности.

При анализе республиканского информационного поля сочетались два метода — контент-анализ и дискурсивный анализ текстов. Первый метод помогал выявить интенсивность подачи этнической информации. Под этнической информацией понимается «информация об этнических особенностях жизни, появляющаяся в СМИ в разных формах... упоминания в публикациях о представителях тех или иных этнических общностей, их обычаях, ценностях, явлениях, связанных с этнической психологией людей... освещение журналистами этнополитических и этнокультурных тем»¹. Но все же основной акцент делался на интерпретативном прочтении публикаций. Задачи исследования требовали выявления

смысловых конструкций, с помощью которых акторы придавали значимость тем или иным этническим категориям в формировании этнического самосознания в структуре региональной идентичности.

При отборе изданий учитывались такие параметры, как распространенность газеты в республике (тираж); продолжительность существования; язык издания (русский или татарский); кому принадлежит издание (является оно государственным или относительно независимым). Кроме того, учитывалась аудитория издания (сельская или городская). Всего было отобрано четыре периодических издания – официальные: «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан» и относительно независимые издания: «Вечерняя Казань» и «Татарстан яшьляре»².

Кроме того, в качестве источников использовались данные мас-

¹ Малькова В. Этническая журналистика и толерантность // В. Малькова, В. Тишков. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 30. Контент-анализ проводился по специально адаптированной для сбора этнической информации специальной методике «Формуляр», разработанной московским этнологом В. Мальковой. Эта методика использовалась для анализа этнической информации в прессе в рамках проектов «НИК» (рук. Л. Дробижева) и «Разработка методов диагностики...» (рук. В. Малькова).

² «Республика Татарстан» является общественно-политической газетой. Издаётся с апреля 1917 г. До 17 августа 1993 г. выходила под названием «Советская Татария». Учредителями газеты являются: Государственный совет РТ, Кабинет министров РТ, редакция газеты. Выходит 5 раз в неделю. Тираж 39538 экз. (2002 г.). Газета распространяется по всей республике, читательская аудитория – городское и сельское население республики.

«Ватаным Татарстан» – общественно-политическая общетатарская газета. Издаётся с марта 1918 г. Учредителями газеты являются Государственный совет РТ, Кабинет министров РТ, редакционный коллектив. Выходит 5 раз в неделю. Тираж 47004 экз. (2002 г.). Распространяется по республике и в местах компактного проживания татар в РФ. Аудитория представлена в большей мере сельчанами.

«Вечерняя Казань» – общественно-политическая газета. Издаётся 1979 г. Учредитель – ЗАО «Вечерняя Казань». Выходит 4 раза в неделю. Тираж 57032 экз. (2002 г.). Читательская аудитория – жители Казани и крупных городов республики.

«Татарстан яшьляре» – общественно-политическая газета. Издаётся с января 1920 г. Учредителями газеты выступают Совет молодежных организаций РТ и редакционный коллектив газеты. Выходит 4 раза в неделю. Тираж – 76376 экз. (2002 г.) Среди читательской аудитории преобладают сельчане. Газета является самокупаемой.

совых этносоциологических опросов (1994, 1996, 1999, 2002 гг.), контент-анализ читательских писем³, экспертные интервью с представителями власти, журналистами и редакторами республиканских изданий, взятые в ходе реализации авторских проектов (1997, 2001 – 2002 гг.), статистические данные, официальные документы и выступления представителей власти и национального движения в Республике Татарстан.

Республиканская пресса

Рассматривать СМИ как механический инструмент передачи ценностей было бы упрощением. Значимые различия задают их институциональные характеристики, отношения собственности, учредители, не говоря уже о составе журналистского корпуса и читательской аудитории.

В постсоветский период заметно выросло количество республиканских изданий. Если в 1985 г. выходило 147 газет и 14 журналов, то на 1 января 2001 г. в Татарстане выходит 419 периодических печатных издания. Из них: газет – 314 (74,9 %), журналов – 85 (20,3 %), прочих – 20 (4,8 %)⁴. Процесс демократизации и утвердившиеся рыночные отношения разрушили монополию государства на СМИ. Круг владельцев СМИ значительно расширился. Если в советское время идеологический дискурс, создаваемый СМИ, как правило, был консолидирован, то сегодня количество групп, имеющих доступ к СМИ, возросло и они, в разной мере, имеют возможность отстаивать или продвигать свои интересы в информационном поле, что способствует появлению конкурирующих дискурсов.

Несмотря на то что внутри правящей элиты Татарстана существуют противоборствующие группы, ее официальный идеологический дискурс, выражающий региональную идентичность, как правило, консолидирован. Возникающие в поворотные для республики моменты резко оппозиционные издания живут недолго⁵.

³ Контент-анализ и дискурс-анализ читательских писем был проведен автором в период подъема этнического самосознания в республике, пик которого пришелся на 1989 – 1992 гг. Было отобрано 268 писем читателей журнала «Идель», связанных с темой этничности.

⁴ Справочник Министерства печати за 2001 год.

⁵ К таким изданиям можно отнести националистическую газету «Алтын Урда» и газету «Казанское время».

Стремление властной элиты легитимировать в начале 1990-х гг. более широкие (по сравнению с прежними), властные полномочия, как в глазах Москвы, так и в республиканском сообществе, должно было опираться на аргументы. На общероссийском уровне имелось только одно основание, которое отличало республику от обычной российской области — этнический фактор. Его значимость подкреплялась апелляцией к международным правовым нормам о праве наций на самоопределение и уже начавшимся процессом выхода из СССР союзных республик. Кроме того, немалую роль в республике играло национальное движение, которое пополнялось все новыми неформальными организациями. Его лозунги имели достаточно широкую поддержку среди определенной части татарского населения. Но был и еще один веский аргумент, который местная власть могла использовать в споре с Центром. Это — более низкий уровень обеспеченности жителей республики по сравнению с москвичами. Выигрышность этого аргумента в политической стратегии руководства Татарстана была бесспорна. Ответственность за сложившуюся систему распределения ресурсов несло центральное правительство. Поэтому выстраивание оппозиции «центр — республика» в формирующемся региональном самосознании способствовало четкому распределению акцентов: кто — «узурпатор», а кто — «жертва».

Таким образом, этничность и оппозиция «центр — республика» становятся несущими опорами всей республиканской идеологии. Характер и особенности подачи этнической информации в республиканской прессе были тесно сопряжены с политическими событиями, сопровождавшими отношения федерального Центра и республики. В соответствии с динамикой интенсивности подачи этнических тем процесс формирования республиканской идентичности можно разделить на несколько этапов. Первый этап — конец 1980 — 1994 гг. — резкая и категорическая дистанцированность от Центра; 1994 — 2000 гг. — неконфликтное утверждение республиканской идентичности; с 2000 г. — интерпретация республиканской идентичности как составной части общероссийской идентичности.

В информационном поле Татарстана конца 1980 — начала 1990-х гг. этническая информация была очень насыщенной и даже темы, не имеющие прямого отношения к этничности, обсуждались в свете данных проблем. Так, тема экологии, связанная с охраной окружающей среды, переросла в тему экологии национальной культуры и языка. Здесь нельзя не отметить (общую для многих национальных республик) характерную увязку этнокультурных проблем с политической. Отсталость в развитии национальной культуры татар связыва-

лась с политикой советского государства, с политикой Москвы. Именно поэтому получила широкий резонанс тема утраченной государственности татар. Социально-экономические проблемы также рассматривались сквозь призму этничности⁶. Показательно, что идеи этнического ренессанса вышли на первый план на волне широкого обсуждения социально-экономических проблем самой республики как субъекта Российской Федерации, которому Центр совсем не уделяет внимания.

Зачастую обсуждение сводилось к поиску виновной стороны, которой оказывалось российское государство. Однако, вина государства нередко экстраполировалась на его этническое большинство — русских. В этот период особенно сильно звучал «мотив жертвы». Приведем в качестве примера своего рода квинтэссенцию подобных публикаций, звучавших довольно часто на страницах республиканской прессы. Показательно ее название — «Соседи». Автор, писательница Б. Рахимова, оценивает «плоды соседства с русскими»: *«Государства — нет. Язык — в упадке. Нет ни национальной армии, ни национального банка, наша религия, можно сказать, только, что оправилась от долгой клинической смерти. Что касается образования — всего 7 % татарских детей обучается на родном языке. Славный некогда град Казань... представляет собой... настоящие развалины. Вместо нефтяного богатства нам достались его издержки: химизация, загрязненность почвы, землетрясения, спровоцированные нещадной и вульгарной эксплуатацией наших природных богатств, наконец, чувство опустошенности в нас самих»*⁷. Констатируя состояние этнической культуры и языка народа, а также его среды обитания, автор переносит акцент обвинения на российское государство. Однако в публикации присутствует еще один виновный: *«Известно, что татарский народ славен как народ активный, работающий, созидательный. Но все чаще и чаще в наш народ проникают... такие пороки, как лень, пьянство, безразличие»*. Таким образом, оппозиция «государство (российское) — республика (Татарстан)» накладывается на этническую оппозицию «мы — они» и усиливается ею.

⁶ В этот период в общественном мнении было широко распространено представление о том, что экономическая самостоятельность республики, концентрация собственных ресурсов и дохода создаст условия, при которых значительная часть оставшихся в республике средств пойдет на развитие национальной культуры татар.

⁷ Рахимова Б. Соседи // *Игель*. 1990. № 11. С. 53.

Представленная тема и тон ее подачи имеют свою динамику. Контент-анализ сегодняшней прессы (2001–2002 гг.) показал, что хотя «мотив жертвы» продолжает сохранять актуальность, но звучит гораздо реже. В этот период отмечена всего одна публикация такого рода. Ее название – «Мудрость начинается с характера». В ней автор статьи сравнивает русский и татарский характеры. В качестве индикаторов избраны слова и лексемы, по мнению автора, по-разному осмысливающиеся в русском и татарском языках. В качестве примера приводится ставшая крылатой фраза Б. Ельцина «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!», а затем делается вывод: *«Русский язык не способен быть языком дипломатии, так как в нем много резких и бранных слов»*. После перечисления современных бед России: *«экспансивная политика»* и *«разрушающее изнутри Россию чиновничество»*, автор приходит к заключению: *«Насколько разнятся системы русских и татарских языков, настолько разнятся и менталитет народов. Сегодня татары, живя в русском государстве, перешли на язык и систему русских»*... От этого, по мнению автора, проистекают все беды народа. Статья завершается призывом: *«Нам надо разорвать старую узду, разрушить мосты, упрямо встав на родную зеленую почву, начинать жить истинно по-татарски. Только это нас спасет»*⁸. Публикация претендует на объективность, поскольку проблема рассматривается в ней с точки зрения науки. Солидность материалу призваны придать научные регалии автора – «политический психолог». В статье противопоставляются менталитеты народов, языковые системы. Тем самым конструируется положительный автостереотип, акцентируется роль жертвы и закрепляется ценность этнического республиканского самосознания. Российское государство ассоциируется с агрессией, грубостью в противовес родному, этническому. Статья адресована татароязычному читателю.

Для периода с 1980-х до начала 1990-х гг. было характерно сильное влияние политической конъюнктуры на появляющуюся в прессе этническую информацию. Особенно это проявилось в период сложных отношений между Москвой и Казанью в 1993–1994 гг. Контент-анализ газет⁹ «Ватаным Татарстан» и «Татарстан яшьляре» в период конституционного конфликта показал, что в 95 % анализируемых статей, связанных с этнической тематикой (из 180 в «Тата-

⁸ Татарстан яшьляре. 2001. 4 окт.

⁹ Осуществлен в рамках проект «НИК» (1994 г.).

рстан яшьляре» и 120 – в «Ватаным Татарстан»), присутствовала тема России. Самая актуальная тема этого периода – обвинение России в унитаризме, ущемлении суверенных прав. Наиболее эмоционально она подавалась представителями гуманитарной и художественной интеллигенции во время октябрьских событий 1993 г. у Белого дома. В то время как газета «Ватаным Татарстан» печатала лишь безоценочную хронику этих событий, газета «Татарстан яшьляре» напечатала несколько больших публикаций с оценкой этих событий, назвав их «вторым кровавым воскресеньем». Наиболее эмоциональной была статья М. Юныса, в которой писатель провел аналогию с октябрём 1552 г. (взятие Казани), октябрём 1956 г. (события в Венгрии), сделав вывод, что для России кровопролития – закономерность¹⁰. В это время прореспубликански ориентированные издания придерживались такой позиции: если в России идет выяснение отношений, борьба, поиски врагов, то в Татарстане тем временем работают, стараются найти выход из экономического кризиса. Таким образом, положительный автостереотип «татары – трудолюбивый народ» использовался в качестве характеристики республики и переносился в сферу отношений с Москвой.

Борьба за государственность Татарстана, придание республике новой политической идентичности, активизировала использование символов, включающих в себя память о былой государственности татарского народа. К ним относится День памяти погибших защитников Казани при завоевании Казанского ханства Иваном Грозным и напоминания о святых Булгарах. В качестве примера приведем статью писателя М. Юныса «Уста руин», где инструментальная функция символа выражена наиболее ярко: *«Под этими камнями (в Булгарах. – Л.С.) похоронена эпоха наших дедов, живших свободно. И если мы сегодня, борясь за независимость, не сумеем сплотиться... то наши зародившиеся надежды тоже будут похоронены под этими руинами»*¹¹. Напротив, памятник покорителям Казани в 1552 г., расположенный почти в центре города, воспринимался как символическое закрепление неравноправия татарского народа. Председатель Всетатарской ассоциации деятелей культуры «Маданият» Г. Ягфаров писал о том, что памятник *«русским захватчикам» воспринимается татарским народом как «соль на рану»: «Эта несправедливость (можно сказать, и сам памятник) породила ненависть татарского*

¹⁰ Татарстан яшьляре. 1993. 9, 10, 11 дек.

¹¹ Татарстан яшьляре. 1993. 13 мая

народа к России (можно сказать, и к русскому народу). Мысль уничтожить, взорвать, сжечь тревожила не одно поколение наших соотечественников с тех пор, как его воздвигли». Выходом, на взгляд автора, может стать установка «на самом видном месте Казани памятника ее защитникам. Это станет основой для равноправия двух народов»¹². Другой автор, писатель С. Шамси, также говорил о том, что памятник «символизирует наше национальное унижение и несвободу», и предлагал превратить его в музей с экспозицией, воссоздающей события 1552 г.¹³. Содержание и эмоциональный заряд этих цитат свидетельствуют о чувствительности к символам. Автор первой цитаты соотносит «равноправие народов» с фактами истории, а не с реальными фактами жизни современных татар, социально-экономическое положение которых точно такое же, как и у русских в республике, да и сходно с тем, что в России в целом.

Как видно из приведенных материалов, общим знаменателем для всех тем, касающихся возрождения этнической культуры, языка и татарского народа в целом, в Татарстане стала тема государственности. Апелляция к этой теме имела две мотивации. Первая касается непосредственно возрождения этнической культуры и языка татар. Государственность татар в этом случае понималась как необходимое условие для создания благоприятного климата для их сохранения и развития, что отражало интересы национальной интеллигенции и этнически ориентированных татар. Вторая причина связана с перераспределением власти и собственности на территории постсоветской России. Интересы преумножения и сохранения экономических ресурсов были приоритетом для властной элиты, а этнический фактор служил ресурсом и инструментом консолидации населения республики вокруг ее лидеров. Исходя из своих интересов, обе эти группы — властная элита и творческая, прежде всего гуманитарная интеллигенция — были заинтересованы в том, чтобы стимулировать описанный выше дискурс.

Сопоставление результатов контент-анализа республиканской прессы за два последних года (2001–2002 гг.) с данными конца 1980 — начала 1990-х гг., дает возможность проследить динамику в подаче этнической информации. В целом, нужно отметить, что доля этнической информации значительно уменьшилась. В табл. 1 показана доля этнической информации.

¹² Ватаным Татарстан 1996. 1 нояб.

¹³ Идель. 1990. № 8. С. 49.

Таблица 1

Доля этнической информации в газетных публикациях, %

Газеты	Октябрь 2001	Февраль 2002
Республика Татарстан	8,0	7,0
Ватаным Татарстан	13,0	11,0
Вечерняя Казань	1,0	9,0
Татарстан яшьляре	13,0	22,0

Для сравнения: доля этнической информации в официальной газете «Известия Татарстана» в 1994 г. доходила до 45 %¹⁴. Но, несмотря на то что доля этнической информации стала меньше, сложившаяся в конце 1980 — начале 1990-х гг. стратегия дискурсов анализируемых нами республиканских изданий сегодня сохраняется. Так, официальные газеты «Республика Татарстан» и «Ватаным Татарстан» стараются сохранить беспристрастность и нейтралитет, хотя в последней изредка могут появляться довольно острые публикации. Газеты «Вечерняя Казань» и «Татарстан яшьляре» представляют два полюса мнений и тенденций в отношениях между федеральным Центром и республикой, стремящейся сохранить занятые в течение последних десяти лет позиции.

Одно из ведущих мест среди этнических категорий, обсуждаемых «символьной элитой», занимает тема татарского языка. Ее презентация в республиканских СМИ также менялась на протяжении анализируемого периода. Особенно бурным было обсуждение проблемы современного состояния языка и образования на татарском языке в конце 1980 — начале 1990-х гг. Язык и национальная школа рассматривались как первое условие сохранения этнической самобытности татар: *«Своя государственность, свой язык, свое образование помогают сохранить нацию»*; *«Просвещение — это наша идеология. Армия и налоги могут быть общими (с Россией. — Л.С.), но образование должно быть свое»*¹⁵. В этот период тема языка подавалась в прессе не только с точки зрения его сохранения и развития. Для радикально настроенных авторов не последнюю роль играл фактор становления новой идентичности, включающей в себя попытку утвердить свое отличие от русской культуры. При обсуждении вопросов перехода на

¹⁴ Республиканская пресса и межнациональные отношения // Информационный бюллетень. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 5. С. 7.

¹⁵ Ватаным Татарстан. 1993. 28 мая.

латинскую графику, лидер радикального национального объединения «Иттифак» Ф. Байрамова писала: *«Здесь не только о языке поставлен вопрос. В первую очередь нам нужно, чтобы наша нация, наша политика отошли от России»*¹⁶.

В отличие от публикаций первой половины 1990-х гг., тема отличия Татарстана от российского культурного пространства не получила своего продолжения. Сегодня подчеркивается инструментальный характер алфавита: это удобная графическая система для татарского языка и средство эффективного овладения новыми компьютерными технологиями¹⁷. Тем не менее проблема развития и статуса татарского языка в республике продолжает оставаться актуальной до сих пор. Доминирование русского языка во всех сферах общественной жизни тревожит этнически ориентированных татар. Особенно наглядно эта озабоченность проявляется на страницах татароязычной прессы, в которой наряду с журналистскими материалами, публикуются письма и статьи заинтересованных читателей. Так, одна из авторов публикаций приводит в пример детский лагерь «Полет», где отдыхают 500 девочек и мальчиков. Она сетует на то, что все они разговаривают на русском языке, все мероприятия проходят на русском языке, кругом звучит русская музыка. Далее, она пишет о тех мерах, что предпринимает республиканское министерство образования: издание учебников, проведение конкурсов и олимпиад на татарском языке, и делает вывод, что эти усилия тратятся впустую, так как: *«вот в таком лагере дети быстро забудут «этот проклятый язык» — так называют его! Здесь в лагере нет места другому языку»*. Автор видит выход в том, чтобы построить лагерь по типу «Малый Артек», где будут жить и отдыхать дети татар¹⁸.

Естественно, что среди причин сужения сферы употребления татарского языка национальная интеллигенция выделяет главную: отсутствие вузов с обучением на татарском языке. Авторы публикаций сетуют на то, что Госсовет республики принял в 1997 г. решение о создании национального университета, но до сих пор нет ни университета, ни его концепции¹⁹. Проблемы видятся не только в нехватке сил и средств. Один из авторов, Т. Айди, пишет: *«Открытие татарского национального университета поможет поднять*

¹⁶ Татарстан яшьляре. 1997.22 февр.

¹⁷ Республика Татарстан. 2001. 9 окт.; Ватаным Татарстан. 2001. 3 окт.

¹⁸ Мэдэни жомга. 1999.21 июля.

¹⁹ Мэдэни жомга. 1999. 6 авг.

статус татарского языка. Но чтобы сохранить татарина как татарина — этого еще мало. Потому что программа, которая будет отражать потребности империи не будет соответствовать и совпадать с потребностями татар. История мировоззрения, обычаи и традиции там всегда будут в качестве половой тряпки. Вот почему нужна школа, которая будет создана не на деньги государства, а на наши. А денег у нас сегодня нет. Значит мы зря мечтаем об университете»²⁰.

В последние годы, казалось бы, безобидный вопрос графической системы татар получил политическую окраску. После вмешательства федерального Центра в ход языковой реформы, связанной с переводом письменности татар с кириллицы на латиницу, и последующего запрета Госдумы на ее введение в республике, тема языка и алфавита стала обсуждаться чаще и эмоциональнее, не только в татароязычной, но и в русскоязычной прессе. Актуальность темы поддерживается включением в обсуждение помимо журналистов, политиков, экспертов, ученых, общественных деятелей и читателей. Официальная позиция подается, как правило, с точки зрения разграничения полномочий между Москвой и Казанью. Например, «Республика Татарстан» цитирует выступление Председателя Госсовета РТ Ф. Мухаметшина: *«Думаю, что это неправильно — указывать из Москвы, какому народу каким шрифтом писать на своем родном языке. Это не дело и не полномочия федерального центра. Я думаю, что не стоит даже утруждать себя принятием такого рода закона»²¹*. По Конституции РФ — это компетенция республики.

В высказывании противопоставляется стратегия федерального центра, который вновь хочет сосредоточить все властные функции в своих руках, и интересы татарского народа, стремящегося по своему разумению сохранить свою культуру и язык. Два понятия «российское государство — этническая культура» выстраиваются в оппозиции друг к другу, причем первое наделяется чертами диктатора, а второе — жертвы. Таким образом, этнический фактор используется как один из немногих оставшихся в распоряжении власти ресурсов, помогающих отстоять свое республиканское «Я», а этническая культура и язык становятся той зоной, где наиболее близко совмещаются интересы этнически ориентированных татар и стратегия властной элиты.

²⁰ Мэдэни жомга. 2000. 21 янв.

²¹ Республика Татарстан. 2001. 4 окт

Сопоставление общероссийской и республиканской этнической идентичностей в информационном поле Татарстана отчетливо прослеживается в дискурсах, формируемых неофициальными изданиями. В основе стратегии татароязычной газеты «Татарстан яшьляре» лежит формирование этнических ценностей посредством утверждения своего этнического «Я» через образ другого, которым выступает Россия. Напротив, «Вечерняя Казань» подвергает сомнению значимость этнической составляющей республиканской идентичности, так же, как и правомерность выделения республики в качестве самостоятельного субъекта в рамках России. Характерный прием, который используют эти газеты для утверждения своих дискурсов — «Вечерняя Казань» сообщая о решении правительства РТ обсудить всенародно проект Конституции РТ, приводимой в соответствие с российским Основным Законом, пишет: *«Проблема всенародного обсуждения Конституции в том, что этот документ не увеличит толщину масла на хлебе у Васи Пупкина, не вернет выкрученную соседом лампочку в его подъезде и не вылечит от болезни... Словом, никаким лишним благом не обрадует обывателя... следовательно, подавляющая часть населения наверняка останется равнодушной к ее обсуждению»*²².

Особенно ярко, в соответствии со стратегией «Вечерней Казани», подаются темы ключевые: языка, республиканского гражданства, этничности в республике. А стратегия прореспубликанской и этнической ориентации газеты «Татарстан яшьляре» делает объектом сарказма и насмешек уязвимые стороны российской внутренней и внешней политики. Причем обе газеты «окрашивают» в соответствующие тона даже самый, казалось бы, нейтральный материал. Так, в субботнем номере «Вечерней Казани» (это особенно популярный у аудитории номер, «толстушка» с телепрограммой на всю неделю) в рубрике «Субботний репортаж» напечатана статья журналистки газеты с названием: «Я татарский бы выучила! Только где!» У репортажа — особая маркировка, отличная от других публикаций: более темный цветовой фон внутри рамки и крупный, напечатанный жирным шрифтом заголовок на второй полосе. Журналистка рассказывает о перипетиях, связанных с поиском бесплатных курсов татарского языка. Начинается репортаж с иронической фразы: *«Помнится закон принимали с большой помпой. Сколько пылких речей было сказано...»*²³. Казалось бы, весь пафос публикации, звучащая в ней крити-

²² Вечерняя Казань. 2002. 20 фев.

²³ Вечерняя Казань. 2002. 22 фев.

ка, направлены на то, чтобы власти города усовершенствовали систему обучения татарскому языку, который имеет статус второго государственного языка. Однако другие публикации, в которых газета освещает языковые проблемы в республике, говорят о том, что тема татарского языка для газеты — это лишь повод для того, чтобы высказать свое неприятие другой культуры, которая претендует в республике на равноправие с русской культурой.

С конца 2001 г. большой резонанс получило дело С. Хапугина, подавшего иск в Конституционный суд РФ с требованием отмены обязательного изучения татарского языка в объеме русского языка в средней школе. Подробности этого дела постоянно освещаются на страницах «Вечерней Казани» в специально отведенной для этой темы рубрике «Дело движется». Само название рубрики говорит о заинтересованности газеты в победе подавшей иск стороны. Судя по тону трансляции «дела», газета активно формирует ряды недовольных уроками татарского языка в школе. Газета приводит, наряду с рациональными аргументами (например, нехватка времени на множество предметов), и такие: *«Необходимо учитывать, что язык является важнейшим элементом национальной культуры, которая, в свою очередь, участвует в формировании той или иной идеологии и психологии, религиозных взглядов, образа мышления и уклада жизни. Недопустимо насильственное привитие культуры гражданам, для которых она не является родной. Это неминуемо ведет к напряженности в межнациональных отношениях»*.²⁴ Тонкость приема состоит в том, что газета позицию неприятия этнической составляющей культурной политики республиканского правительства высказывает не от имени редакции, а от имени рядового гражданина Татарстана.

В стратегии газеты «Татарстан яшьляре» более четко проявляется оппозиция «мы — они» в сфере государственного строительства и отношений федерального центра и субъекта Федерации, хотя иногда характеристики в адрес российского государства экстраполируются на его этническое большинство — русских. Обсуждение изменений в Конституции РТ в газете подается через призму оппозиции «мы — они». При этом часто используются ассоциации, связанные с тоталитарным прошлым. Характерным примером служит аналитическая статья «Последний предел отступления, где он?»²⁵. Один из ее подзаголовков носит название: «В подвалах ГПУ». Автор, рассказав о про-

²⁴ Вечерняя Казань. 2002. 24 марта.

²⁵ Татарстан яшьляре. 2001. 2 окт.

цессе обсуждения изменений в Конституции РТ участниками делегации из Казани и комиссией со стороны Центра, приводит высказывания участников обсуждения со стороны республики, а затем делает вывод о том, что конституционная реформа грозит «*сломом всей политической архитектуре Татарстана*», что здесь «*не берется в расчет история народа, его интересы*». А затем следует прогноз: «*При таком подходе легко спровоцировать радикализацию татарской части населения*».

Сравнение приведенного материала с публикацией о Конституции РТ в «Вечерней Казани» помогает ярче оттенить особенности стратегии каждого издания. В публикации газеты «Татарстан яшьляре» приводятся высказывания заинтересованных лиц (представителей власти), говорится об абстрактных интересах народа, и при этом акцентируется этнический фактор («*...лакмусовой бумагой ее настроения станет День памяти, традиционно проводимый 15 октября, — по количеству и настроению участников можно будет судить о том, каков градус общественных настроений*» (имеется в виду татарская часть населения РТ. — Л.С.) и делается заключение: «*Ничем хорошим все это в конечном итоге не обернется*». Общий тон статьи пафосный. В «Вечерней Казани» подход, напротив, прагматичный. Основной акцент в публикациях делается на повседневные нужды простых жителей Татарстана независимо от их этнической принадлежности. Вся информация, содержащаяся в газете, подается с позиции простого обывателя, оппозиционной власти. Но здесь эта оппозиционность накладывается на особенности власти в республике, где этнический фактор играет заметную роль²⁶. «Симметричность» стратегий и приемов этих двух газет выражается и в том, что даже краткая информация о республике (в «ВК») или о России (в «ТЯ») содержит оценочный компонент. Каждая газета нацелена на поиск негатива у противоположной стороны и умалчивание недостатков у «своей». Так, в «Вечерней Казани» дается репортаж с выставки одного из казанских художников. Репортаж носит название «*Охота на ханов продолжается?*» «*...Равиль Загидуллин входит в тройку местных живописцев, которые упорно разрабатывают конъюнктурную для суверенной республики тему — бытописание жителей древней Казани и Булгар*»²⁷. Автор репортажа, характеризуя тематическое содержа-

²⁶ По данным М. Фарушкина, 78,1 % правящей элиты в Татарстане составляют татары. См: Фарушкин М. // Ук. соч. С. 69.

²⁷ Вечерняя Казань. 2002. 16 февр.

ние полотен художника, однозначно называет его конъюнктурным, и это несмотря на то, что историческая живопись является жанром, имеющим давнюю традицию. Тенденциозность в подаче события легко прочитывается. Поскольку исторические сюжеты художника — часть этнической истории, то ироническое отношение автора распространяется и на нее. В другой популярной теме, посвященной обмену паспортов²⁸, на конкретных примерах показывается как невыгодно на практике иметь в новом паспорте вкладыш на татарском языке, какие сложности поджидают его обладателя, если он выезжает за пределы республики. В свою очередь, «Татарстан яшьляре» дает информацию о больших долгах по выплате заработной платы по всей России. Публикация «Государство снова утонет в долгах» заканчивается фразой: «*А у нас в Татарстане долги по выплате заработной платы невысоки... 0,6 %*» (относительно 8 % по России. — С.Л.)²⁹. Информация приходится на период обсуждения Договора о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и Татарстаном и подается наряду с информацией о том, что «*Спикер Совета Федерации С. Миронов против разделения полномочий между Центром и субъектами...*».

Итак, как видно из материалов, газеты выстраивают оппозиции «мы» — «они» и при этом каждая выбирает свою ось. «Вечерняя Казань» формирует солидарность по принципу «мы (народ) — «они» (власть), но это — власть этническая, республиканская. Власть российская представлена, как правило, обобщенно, без конкретных персонажей. Акцентируется ее функция борца за закон и справедливость. Постоянный мониторинг публикаций газеты показывает популярность темы нарушений местными властями российских законов в республике.

«Татарстан яшьляре» проводит ось «Центр (Россия) — Республика (Татарстан) — татары». Помимо пунктирных информационных блоков, в газете публиковались большие статьи-размышления. Все три обозначенных звена «Республика — Татарстан — татары» сходились в период подготовки Всероссийской переписи населения на сюжетах, связанных с ней. Одной из показательных публикаций может послужить интервью журналиста газеты с депутатом Госсовета РТ,

²⁸ Особенность нового российского паспорта состоит в том, что в нем может фиксироваться (с помощью специального вкладыша на татарском языке) или же не фиксироваться республиканское гражданство наряду с общероссийским.

²⁹ Татарстан яшьляр. 2002.21 февр.

писателем Р. Валеевым, вышедшее под названием «Кто отделился, того медведь съест, кто разделился — съест волк». В публикации сразу же ставится проблема: грядет новая перепись населения — что она несет татарам? Депутат, говоря об увиденном им проекте бланков переписи, высказывает недоумение и возмущение — почему татар поделили на этнографические группы, а русских — нет? Далее депутат делится впечатлениями от своей поездки в Москву для обсуждения этой проблемы в Госдуме РФ, где он не получил ответа на свой вопрос. Депутат раскрывает политическую подоплеку этой процедуры. Действия российского государства характеризуются однозначно — «геноцид»: *«такого рода схема переписи — это подготовка упразднения республик, в которых по такой переписи не останется 50 % титульного населения. Следовательно, осуществится девиз Сталина — «Нет народа — нет проблем»*³⁰. Таким образом, в публикации закрепляется связка — «татары — республика» как взаимообусловленные составные: без единства татар не будет республики, а без республики не выжить народу, как самобытному культурному организму.

Социальные и исторические основания этнического компонента региональной идентичности

Для адекватного понимания отдельных тем или дискурсов, существующих в информационном поле, необходим анализ не только самих его агентов с набором характеристик и мотиваций, но и некоторых аспектов исторического, социального, политического и культурного контекстов сосуществования на одной территории двух этнических общин³¹.

В 1990 г. Татарстан объявил себя суверенным государством, что повлекло за собой легитимацию этнической культуры на государственном уровне. Закрепление государственного статуса татарского языка в Конституции РТ, принятие Закона о языках народов РТ (1992 г.), Государственная Программа РТ по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ (1994 г.); появление новых периодических

³⁰ Татарстан яшьляре. 2001. 10 окт.

³¹ Татарстан является полиэтничной республикой. На его территории активно взаимодействуют две большие этнические группы — русские (39,5 %) и татары (52,9 %) (данные Всероссийской переписи 2002 г.), различные по языку, культуре и конфессиональной принадлежности.

изданий на татарском языке положили начало расширению семантического поля этнической культуры татар. Если в советский период употребление национального языка (как его тогда именовали) ограничивалось сферой быта, то сегодня предпринимаются попытки его использования в политике, экономике, науке и культуре. Но обогащение семантического поля произошло не только за счет расширения функционального применения татарского языка. Идеология национального ренессанса формируемая этнической элитой, находит свое отражение на страницах республиканской прессы, в большей степени татароязычной, от простого употребления этнонациональных символов до изложения концепций возрождения татарского общества. Культура и язык, в качестве этнических ценностей, способны придать значимость таким политическим категориям, как суверенитет и государственность, которые начали восприниматься массовым сознанием как этнические. Однако политические усилия властной и «символьной» элиты республики не были бы столь плодотворны, если бы не было социальной основы в лице тех социальных групп, которые разделяют транслируемую систему ценностей, если бы не было исторической традиции, с помощью которой можно было бы обосновать легитимность конструируемого дискурса.

Усилия в поисках своей идентичности в условиях смены эпох не новы. Анализ интерпретаций этнических проблем выявляет приверженность их авторов идеям модернизации татарского общества. По сути, произошло возвращение к дискурсам двух направлений общественного развития татарского общества, получившим наиболее яркое выражение в конце XIX — начале XX вв. Идеологии джадидизма и кадимизма пытались сохранить этнорелигиозную идентичность татар в условиях буржуазной эпохи. Модернизационные идеи Европы, получившие широкий резонанс в русском обществе, по-своему интерпретировались в татарской среде. Татарские либералы приветствовали европейские ценности, признавали значимость русской культуры и языка для прогресса татарского общества. Кадимисты же видели путь сохранения этнической общности через ее консервацию. В его основе лежала стратегия замкнутости мусульманской общины. Самодостаточность обеспечивалась социально-экономическим укладом жизнедеятельности традиционных сельских общин с соблюдением шариата во внутренней жизни и догматической системой мусульманского образования. Воспитание конформной и ограниченной личности оспаривалось сторонниками реформаторского движения. Введение джадидистами светских наук, творческий подход к изучению ислама, введение русского

языка наряду с татарским языком обучения — должны были по их замыслу преодолеть инертность сельского менталитета и способствовать формированию урбанизированной личности, адаптированной к быстро развивающейся социальной реальности на основе своей национальной «высокой культуры».

Позиции джадидизма явно видны в модели государственного развития республики, разработанной современным национальным движением и взятой на вооружение официальными идеологами. Стратегия намеченного в программах развития республики сочетает модернизационные ценности (рынок, частную собственность, плюрализм и демократию) и национальные (учет исламского фактора и этнических ценностей). Сегодня позиции кадимистов представляют Милли Меджлис, партия «Иттифак» и часть мусульманского духовенства. Сторонниками идей джадидизма являются ТОЦ и большинство национальной интеллигенции. В последнее время о приверженности этому течению стала открыто заявлять и «партия власти»³². Обе стороны сходятся в одном, считая, что именно ислам помог сохраниться татарам как этнической общности. Однако позиции резко расходятся, когда речь заходит о решении проблем, связанных с модернизацией татарского общества.

Характерна в этом отношении дискуссия, проходившая на страницах татароязычной прессы республики во второй половине 1990-х гг. Ф. Байрамова, лидер национальной партии «Иттифак», писала о главной угрозе для целостности татар в «погоне за Европой» (через русскую культуру): *«стремление татарских ученых узнать русскую культуру, язык, достичь их уровня — погубило татарскую нацию... жертвами обрусения сегодня стали образованные и городские татары»*³³. *Спасение нации она видит в изоляции татар от влияния Запада и России и в возврате к кадимизму. А письменность татар должна вернуться к арабскому, а не латинскому алфавиту, который «был принят в Турции под дулом пистолета», — утверждает автор*³⁴. Надежды на сохранение татарского общества, Ф. Байрамова связывала с крестьянством, сохранившим связь с национальной культурой и менее подверженным влиянию русских³⁵.

³² Выступление Президента РТ М. Шаймиева на открытии Второго Всероссийского съезда востоковедов в Казани 19 октября 1999 г.

³³ Байрамова Ф. Милләт, дин һәм хакимият // Мэдэни жомга. 1998. 3 апр.

³⁴ Мэдэни жомга. 1997.19 дек.

³⁵ Мэдэни жомга. 1998. 3 апр.

Ей возражал татарский писатель А. Еники, который видел в участии татар в модернизационных процессах залог полноценного развития нации в соответствии с требованиями времени. Изоляция татарского общества от внешних влияний — это регресс, писал он. Называя джадидистов прогрессивными реформаторами, писатель говорил о пользе овладения русской культурой и языком: «Невозможно жить, отгородившись от русского общества. В том, что татары сегодня образованы — есть влияние и русского прогресса»³⁶. По мнению писателя, благодаря знакомству с европейской культурой через русский язык, татары вышли на первое место среди других тюркских народов. Подчеркивая значимость ислама для татар, он заявляет об опасности фундаментализма.

Преимственность модернизационной составляющей в этнонационалистическом дискурсе в татарском обществе связана с социальной структурой татар, которая сегодня в Татарстане близка к социальной структуре русских. Уровень урбанизированности среди татар, включенности в современную социально-экономическую инфраструктуру общества довольно высоки. Исследования этносоциологов в ходе реализации программы «НИК»³⁷ показали, что национальная интеллигенция в Татарстане имеет явно более полиструктурный и более сходный с русской состав, чем во многих других республиках. Это сходство проявляется в том, что у татар значительна доля производственной интеллигенции: по данным переписи 1989 г. — 44,7 % относительно 49,8 % у русских. Была также выявлена тенденция 1980-х гг. — увеличение доли административно-управленческой интеллигенции в составе титульных народов республик в сравнении с русскими, а также интеллигенции художественно-творческой, преподавателей вузов, работников печати. К началу 1990-х гг. доля занятых в партийно-государственном аппарате у татар была более чем в полтора раза больше, чем у русских в республике, так же как и доля художественно-творческой интеллигенции. По подсчетам исследователей, доля татарской интеллигенции по сравнению с 1960-ми гг. возросла в 2 раза³⁸.

Мотивы участия властной и «символьной» элиты республики в формировании этнонационалистического дискурса описаны выше.

³⁶ Еники А. Кыйбла алмаштыру // Мэдэни жомга. 1998. 29 мая.

³⁷ Проект «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в российской Федерации», 1993–1996 гг., рук. Л. Дробижева.

³⁸ Дробижева и др. Демократизация... С. 252.

Но в чем состоят причины социальной поддержки конструируемого дискурса? Контент-анализ читательских писем, поступавших в редакции республиканских газет и журналов, а также данные массовых этносоциологических опросов позволяют выявить некоторые из них. «Партия бывших провинциалов», которая играет ведущую роль идеолога этнического ренессанса, выражает интересы и устремления, в большей мере, татароязычной части татарского общества. Это подтверждают результаты анализа читательских писем — 75 % из них написано на татарском языке. Естественно, что письменным татарским владеют те, кто получил на этом языке образование. В 1987/88 гг. в республике насчитывалось 995 татарских школ — практически полностью в сельской местности (численность учащихся — 104,4 тыс. чел.). К 1988 г. в Казани осталась всего лишь одна национальная школа. Несмотря на то что по официальной статистике в 1988/89 гг. число татарских школ возросло до 1059 (численность учащихся — 70,1 тыс. чел.), а в русских и смешанных школах имелась 9091 группа по изучению татарского языка с охватом более 127,0 тыс. учащихся, тем не менее количество часов, отведенных на изучение родного языка в этих школах, было незначительным — 2 часа в неделю³⁹. Приведенные цифры говорят о том, что категорию хорошо владеющих родным языком составляли, в большей мере, сельчане и выходцы из села (горожане первого поколения). Попытка анализа состава читательской группы по признаку социального происхождения дала следующие результаты: 37,5 % написавших — сельчане, 62,5 % — горожане. С большой долей вероятности можно считать, что 24,5 % (из 75 %) авторов писем, написавших на татарском языке — выходцы из села.

Результаты опросов по проекту «НИК» показали, что этническая идентификация сегодня преимущественно базируется на этнокультурных признаках. На вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?» — 77 % татар-горожан и 71 % сельчан назвали родной язык; 67 % и 51 % соответственно — культуру, обычаи и обряды; 33,5 % и 45 % — религию. 96,6 % татар в качестве родного называют татарский язык. Однако здесь важна специфика функционирования родного языка среди татар. В качестве языка общения татарским языком пользуются: на работе — 14 % татар-горожан и 92 % — сельчан; дома соответственно 48 % и 99 %; читают газеты на татарском языке

³⁹ Современные межнациональные процессы в ТССР / Ред. Д. Исаков. Казань, 1991. С. 35.

13 % горожан и 64 % сельчан. Цифры говорят о том, что в большей степени татарским литературным языком владеют татары-сельчане – 64 % против 13 % горожан. Большой процент татар-горожан (48 %) владеют бытовым языком. Результаты опроса «НИК» соотносятся с данными другого социологического опроса, по которому в совершенстве владеют языком своей национальности 49 % татар, знают только разговорный язык своей национальности – 43 %⁴⁰. Из 96,6 % татар, назвавших татарский язык родным, 49 % владеют им, а оставшиеся 47 % владеют языком неудовлетворительно или не владеют совсем. Для тех же, кто назвал татарский родным, не зная его, язык выступает, скорее, символом этнической принадлежности.

Несмотря на то что русскоязычная часть татар слабо проявила себя в процессе этнонационального возрождения, тем не менее, у нее имеется своя позиция. Она проявилась в ходе опроса «НИК». Отвечая на вопрос «Как Вы относитесь к требованию некоторых национальных лидеров придать статус государственного языка только татарскому языку», одобрили это требование 18% горожан, 53% сельчан; не одобрили – 57% горожан, 19% сельчан. Позицию «Я никогда не забываю, что я татарин» – выбрали как соответствующую их умонастроениям 50,5% татар. 50% татар согласились с мнением, «что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы». Таким образом, по степени актуальности этничности в структуре самосознания татарское общество условно можно разделить на две равные части. Они различаются в зависимости от социального происхождения и вторичной социализации, которая проходила либо на татарском, либо на русском языках. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что этнически направленная система ценностных ориентаций сильнее представлена у татар-сельчан и горожан первого поколения. В свою очередь, внутри последней можно выделить наиболее активные подгруппы. Первая – этническая элита, ядро которой составляет художественная и гуманитарная интеллигенция и властная элита. Вторая – рабочие относительно молодых индустриальных центров, выходцы из села (примером может послужить город Набережные Челны: не случайно он, начиная с постперестроечного периода, составляет национально-радикальную оппозицию умеренной, центристской Казани).

⁴⁰ Мухаметшин Ф., Лозовой А. Татарстан на перекрестке мнений. Проблемы, тенденции, перспективы. Казань, 1993. С. 98 – 99.

Чтобы представить удельный вес анализируемой нами группы (этнически ориентированных татар) в современном татарстанском обществе, т. е. социальный ресурс поддержания республиканской этнической идентичности можно использовать данные о миграционных процессах в республике. Сравнение переписей 1979 г. и 1989 г. показало, что удельный вес татар в населении городов Татарстана вырос с 37,7 % до 42,1 %. В то же время численность татар в сельской местности республики уменьшилась на 21,5 %⁴¹. Эти цифры говорят о том, что данная группа составляет значимый фрагмент татарстанского общества. Из нее рекрутируются активисты национальных движений, а ее пассивная часть с пониманием и сочувствием относится к высказываемым ими идеям.

Приверженность этнонациональным идеологемам не возникает на пустом месте, а определяется непосредственным опытом человека. Негативные стороны этого опыта, объединяющего выходцев из села, связаны с асимметричностью существования общесоветской «высокой культуры» и этнонациональной культуры, в условиях которой нарушалась преемственность первичной и высшего звена вторичной социализации. Это затрудняло включение личности в престижные сферы социальной деятельности в советский период и обусловило актуальность идей модернизационного национализма.

Таким образом, социальная детерминанта этничности была вызвана политикой советского государства, не сбалансировавшего процесс индустриализации с интересами и потребностями села, с одной стороны, и определением стратегии сохранения и развития этнонациональных культур в новых экономических условиях, с другой. В результате искусственное ограничение социально-профессионального продвижения сельчан, низкий уровень образования в сочетании с несовпадением языка вторичной социализации сельчанина нерусской национальности с языком «высокой культуры» — русским, его низкий социальный статус, по сравнению с горожанином, явились основой нарушения баланса психологической адаптации сельчанина, особенно нерусского, в условиях города. Психологические корни этого явления связаны с потерей своего «дома» в условиях города, когда в столкновении с другой культурой и языком разрушалась или подвергалась сомнению неизбежность и самоочевидность субъективной реальности, выстроенной на «материнском языке» и

⁴¹ Мустафин М., Хузеев Р. Все о Татарстане // Экономико-географический справочник. Казань, 1994. С. 16–17.

этнической культуре, когда «значимые другие» в рамках этой культуры (в соответствии с которыми личность выстраивала свое идеальное «Я») теряли свою значимость в контексте общесоветской «высокой культуры». Попытка снять стресс заставляла бывшего сельчанина воссоздавать свой национальный «дом» в условиях города, а когда этничность была легитимирована на государственном уровне, то и защищать его гласно.

Не случайно контент-анализ читательских писем, присланных на конкурс «Татары-90»⁴² (где надо было обосновать выбор лучшего представителя нации), показал, что самым ценным качеством победившей в этом конкурсе в 1990 г. Ф. Байрамовой стала ее характеристика как защитника нации (этничности, «дома»). Это отметили 72 % читателей. Ярким примером стремления отстаивать право на жизнь своего «дома» могут послужить и публикации писателя и народного депутата РТ Т. Минуллина в газете «Татарстан яшьляре», печатавшиеся в специальной рубрике. В качестве характерного примера можно привести его «Кодекс татарина», опубликованный в преддверии проведения II Конгресса татар в июле 1997 г. Обращаясь к читателю, автор писал, что татарская молодежь может гордиться своим народом, его языком и культурой и далее призывал: *«Татарин! Помни, ты не хуже ни одного народа на земле! В истории народа есть достойное место и для тебя. Не верь тем, кто чернит твою историю!»* Подчеркивая миролюбивый характер народа, он все-таки оговаривает, что в случае опасности надо быть готовым *«выйти на площадь борьбы, если кто-то начнет ставить под сомнение наше национальное»*⁴³.

Эта психологическая специфика помогает объяснить феномен популярности газеты «Татарстан яшьляре», имеющей самый высокий тираж в республике. Газета воплощает в себе самые характерные черты своего «дома» для сельчанина и горожанина первого поколения. Доверительный, диалоговый стиль общения, преобладание эмоционального начала над рациональным, поддержание оппозиции «мы — они» даже в информационных блоках, но не в радикальной, агрессивной, а умеренной форме, во многом обусловлены социальной и психологической близостью журналистов газеты, выходцев из села, своей аудитории. Воссоздавая черты своего «дома», газета дает

⁴² Ежегодные конкурсы, которые проводил, начиная с 1989 г., один из наиболее этнически ориентированных в тот период республиканский журнал «Идель» (выпускался как на татарском, так и на русском языках).

⁴³ Татарстан яшьляре. 1997. 22 июля.

возможность бывшему сельчанину в условиях города продолжить свою биографию в русле привычек, представлений и системы ценностей традиционной сельской общины.

Приверженность этнонационалистической идеологии подкрепляется апелляциями к истории. Сохранившаяся память об идеологии джадидизма, которая по замыслу дореволюционной татарской элиты должна была способствовать сохранению и развитию нации в условиях модернизации, была реанимирована «символьной элитой», представители которой составили костяк современных национальных движений Татарстана. Идеологемы дореволюционного национального возрождения татар получили свое развитие и новую интерпретацию в современных условиях. Они явились теоретической стратегией, обеспечивающей основу легитимности этнонациональной культуре и ее носителям, поставленным российским государством в невыгодное положение.

Асимметричность общесоветской «высокой культуры» и национальной культуры явилась основанием внутринационального раскола татарской нации, поскольку произошло наложение социального конфликта между городом и деревней на конкурентность культур, когда носители не востребовавшей этнической культуры оказывались в невыгодном положении по сравнению с русскоязычными городскими татарами. Актуальность этнических ценностей сильно снижалась уже у второго поколения горожан-татар. Родителям, бывшим сельчанам, было трудно обосновать рационалистически настроенным детям, успех социального продвижения которых зависел от знания русского языка и культуры, важность татарской культуры и языка, иначе как эмоциональной привязанностью. Ассимиляционные процессы среди городских татар, сопровождающиеся нигилизмом по отношению к этническому, спровоцировали появление темы «манкуртизма»⁴⁴ в республиканской прессе в период этнического ренессанса. Эмоциональность подачи этой темы в прессе свидетельствует о болезненном переживании ситуации оспаривания тотальности этнической реальности группой этнически ориентированных татар.

Русскоязычные татары второго и далее поколений ориентированы в большей мере на русскую и западную культуру и мало интересуются этнической культурой. Авторы публикаций в республиканской

⁴⁴ «Манкурт» — художественный образ, созданный писателем Чингизом Айтматовым, олицетворяющий человека, забывшего своих предков.

прессе, размышляющие о причинах равнодушия к татарской культуре среди русскоязычных татар, и особенно молодежи, видят причину в ее отсталости и неконкурентоспособности. Молодой писатель А. Хаиров в статье «Манкурт или «потерянная нация»» писал: «Если экономическая культура нации узнается по совершенству экспортируемой техники, то духовная — по экспорту литературы... Пропась, допустим, между современной татарской литературой и американской, очевидна. Можно ли сравнивать «Белые цветы»⁴⁵ и «Над пропастью во ржи»? Я не берусь... Все большие и маленькие литературы представляют одно целое, что-то вроде реки. Татарская литература — это литература первичных, полужыческих символов, находится далеко от фарватера, в затоне, где под водой идет тихая, размеренная жизнь, один старый сом хвалит грулого, а подслеповатая щука (читай, критика) скрипит стершимися зубами»⁴⁶.

Другой писатель, З. Хаким, пытался рассмотреть эту проблему с точки зрения психологии: «Теперь ответьте на вопрос: воспитывает ли наша литература, искусство и сегодняшний уклад жизни чувство собственного достоинства в порастающем поколении татар? Нет! ... тут есть и ответ, почему в театрах, концертных залах, на национальных мероприятиях нет молодежи... Юность биологически тянется к свету, ей нужен простор и поэтому она не вмещается в залы, где звучит меланхолия, тоска по деревне и однотипные песенки о «сандугач» («соловей»), «сагындым» («соскучился») и т.д., молодым наплевать на то, кто виноват в сегодняшней действительности татар, им скучно слушать постоянные жалобы на судьбу и проклятия в адрес русских. Молодежь тянется к сильным, уверенным, обладающим потенцицей на будущее... Молодым неинтересна татарская культура, в ней они чувствуют душевный дискомфорт»⁴⁷.

Другой причиной является характер вторичной социализации, которая у татар-горожан проходила на русском языке, на основе русской культуры и ее «значимых других». Именно так конструировался первый мир индивида и затем находил свое подтверждение в ходе вторичной социализации и дальнейшей жизни. Этот мир для него более знаком и комфортен. Русскоязычные татары-горожане чаще вступают в межнациональные браки с русскими, что содействует аккультурации, особенно их детей, а порой и полной ассимиляции. Сегодня у опреде-

⁴⁵ Популярный роман татарского писателя А. Абсалямова.

⁴⁶ Идель. 1989. № 5. С. 40.

⁴⁷ Хаким З. Диагноз: хроническая несвобода // Идель. 1996. № 1 — 2. С. 3.

ленной части русскоязычных татар в какой-то мере сохраняется система ориентаций, которая включает в себя комплекс ценностей советской эпохи (патернализм, интернационализм и т.д.). Другая часть ориентирована на модернизационные западные ценности. Соответственно, представители этой группы включены в современные виды производства, наукоемкие сферы деятельности, знакомы с передовыми технологиями. Это та часть татар, для которых модернизация осуществилась, но не на основе национальной «высокой культуры», а на базе, прежде общесоветской, а теперь общероссийской «высокой культуры» на основе русской культуры и языка. Именно поэтому модернизационный дискурс татарского национального движения лишен для них такой притягательности, как для татар-сельчан. Однако это не мешает русскоязычным татарам проявлять интерес к этнической истории и культуре, сведения о которых они черпают из русскоязычной прессы.

Инерция невключенности татарской культуры и языка в модернизационные процессы, начиная с советского периода, давала о себе знать и в период этнического ренессанса. Информационное поле, отражающее социально-экономическую, законодательно-правовую и политическую жизнь Татарстана создается в большей мере на русском языке. Весьма показателен факт, демонстрирующий приоритеты русскоязычной и татароязычной прессы. Так, две одноименные республиканские информационные газеты преобразовались примерно в один и тот же период (1996 г.): «Известия Татарстана» — в газету «Время и деньги»; «Татарстан хабәрлере» — в газету «Мэдэни жомга» («Культурная пятница»). Из табл. 2 видно, как выглядит тематический набор изданий, выходящих на татарском и русском языках⁴⁸.

Сама по себе деятельность русскоязычных и татароязычных СМИ в республике может служить индикатором степени включенности татарской культуры в модернизационные процессы. В своих исследованиях специалисты по СМИ приходят к выводу о том, что концепция татароязычных СМИ поддерживает и развивает культурный традиционализм. На эту стратегию влияют как профессиональные традиции, берущие начало с дореволюционных времен и определяющие ее просветительский журнальный характер, так и традиции советской эпохи⁴⁹. Данные табл. 2 красноречиво иллюстрируют этот тезис: русскоя-

⁴⁸ Средства массовой информации // Цифры и факты. Казань. 2001.

⁴⁹ Шайхитдинова С. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта (на примере концепции национального развития СМИ в Республике Татарстан) / Ред. С. Ерофеев // Кому принадлежит культура? Ч. 1. Казань, 1999.

зычные газеты чаще обсуждают проблемы, связанные с социально-экономическим развитием республики. Это обстоятельство обусловлено рядом причин. Первая из них состоит в том, что татарская интеллигенция стремится достроить образовательную пирамиду до «высокой культуры», а это связано с обсуждением проблем языка, культуры и образования. Вторая причина обусловлена политической конъюнктурой, т. е. стратегией республиканской власти, заинтересованной в поддержании этнического фактора в качестве политического ресурса. «Верность традиции» обусловлена не только социальным происхождением татароязычных журналистов, но и узкостью рынка их труда. Татароязычных изданий мало, они неконкурентоспособны, большинство из них поддерживается государством. Отсутствие у журналиста лояльности по отношению к «традиционной» стратегии редакции может обернуться для него потерей места работы.

Таблица 2

Тематика периодических изданий в Татарстане на 01.01.01г.

Тематика периодических изданий	Количество изданий, шт.		
	на русском языке	на татарском языке	на обоих языках
Газеты предприятий и учебных заведений	59	9	0
Экономика, собственность, бизнес	50	0	1
Рекламно-информационные	40	1	10
Общегородские и районные	25	14	30
Досуговые	24	1	0
Культура, образование	20	22	4
Здоровье, медицина	12	2	1
Социальная сфера	14	2	1
Молодежные	14	8	0
Религиозные	5	3	3
Законодательство и право	6	0	5
Политические партии	6	2	2
Семья, быт	1	5	0

Таким образом, в информационном поле современного Татарстана сосуществует несколько дискурсов. Татароязычная пресса транслирует, наряду с национально-модернизационным дискурсом, обще-

татарстанский дискурс властной элиты, содержащий элементы дискурса советской эпохи. Ее аудиторией являются в большей мере татары-сельчане и горожане первого поколения, татарски ориентированная интеллигенция. Русскоязычная пресса также содержит общетатарстанский дискурс властной элиты и оппозиционный ему, «промосковский» дискурс Центра, а также национально-модернизационный дискурс. Ее читают и русские, и татары. На включенность социальных групп в тот или иной из представленных дискурсов, вырабатываемых республиканскими СМИ, сегодня оказывают влияние, по крайней мере, два фактора: владение русским или татарским языком и интересы представителей этих групп. В самом выгодном положении оказываются татары, владеющие и татарским, и русским языками. Для них все информационное поле, создаваемое республиканской прессой, является доступным. Для русских и русскоязычных татар существенная его часть остается закрытой. Испытывают ли они ущемление? Если принять во внимание их интересы, то, наверное, нет, поскольку существующие сегодня дискурсы татароязычной прессы для них малоактуальны. В то же время для татароязычных татар-сельчан и горожан первого поколения не стали еще «своими» дискурсы современной модернизации. Поэтому корректнее было бы говорить об автономности или наложении фрагментов этих дискурсов, которые актуализируются в сознании читателей в зависимости от систем идентичностей, обусловленных конкретными социально-экономическими и этнокультурными детерминантами.

Тем не менее конструктивистская деятельность СМИ в формировании республиканской и этнической идентичности будет и далее стимулироваться республиканской властью. Но здесь многое зависит от того, кто выступает учредителем (собственником) СМИ. Как правило, наиболее активными участниками в формировании этнической (татарской), или общетатарстанской (гражданской) идентичности являются издания, выходящие на русском и татарском языках, учредителями которых выступает государство, т. е. республиканская власть. Очевидно, что деятельность этих СМИ подчиняется правилу «кто платит деньги, тот и заказывает музыку». Но влияние рыночной экономики становится все ощутимее. В самом деле, ситуация сегодня такова, что практически ни одно издание, выходящее на татарском языке, не является рентабельным в силу неплатежеспособности населения и отсутствия подготовленных специалистов в сфере издательского менеджмента и рекламного рынка. Поэтому татароязычные издания пока не способны выжить без помощи государства. Кроме того, рынок труда татароязычных журналистов ограничен границами республики, и в силу этого они «привя-

заны» к своему изданию. Отсутствие конкуренции и выбора не способствует профессиональному росту. Однако есть и исключения. Так, конкурентоспособность газеты «Татарстан яшьляре» свидетельствует о ее востребованности. Шансы преумножения ее аудитории подкрепляются тем, что развитие школы и высшего образования на татарском языке в республике уже сегодня начинает приносить свои плоды: увеличивается число татароязычных татар-горожан. Но здесь важно, насколько такого рода издания будут способны реагировать на вызовы времени.

Вместо заключения

Исследование процесса формирования этнической идентичности как составной части республиканской идентичности в Татарстане показало успешность конструктивистской деятельности элитных групп. Однако она была бы невозможна без «почвы», когда этнические ценности, культура и язык растворены в повседневности, когда для каких-то групп они являются частью «хабитуса».

Мы смогли убедиться и в том, что часть современных татар ощущает неравенство, несмотря на то что их социально-экономические характеристики сходны с русскими в Татарстане, да и по России в целом⁵⁰. Асимметричность статусов «высоких культур» болезненно переживается многими из тех, для кого татарская культура была родной, а ее язык — «материнским» языком. Сходный опыт и недовольство сложившейся ситуацией способны объединять людей в сообщество на основе ярко выраженной этнической идентичности, которая, в свою очередь, стимулирует усиление республиканской идентичности. Конфронтационность, или комплиментарность гражданской и этнической идентичностей, величина дистанции между ними зависят не только от политики российских и республиканских властей, но и от того, насколько адекватно будет реагировать на вызовы постиндустриального общества культура татар, продолжающая сохранять черты традиционализма.

⁵⁰ Этот тезис подтверждают результаты массового этносоциологического опроса, полученные в ходе реализации проекта «Социально-экономическое неравенство...» (рук. Л. Дробижева, 1999–2001) и статистические данные о социально-профессиональной структуре русских и татар в Татарстане.

Формирование идентичности личности и национальная мифология: историко-литературный аспект

Н.А. Шайгорова

Формирование гражданской и этнической идентичности личности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов сознания, поведения, вкусов, привычек, оценок, языка, т.е. с культурной идентичностью. «Проблема культурной идентичности личности заключается в... осознании своего "Я" с позиций ... культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, проявлении лояльности к ним, самоотождествления себя именно с этими культурными образцами как маркирующими не только общество, но и саму данную личность»¹.

Важную роль в процессе формирования культурной идентичности личности играют современный миф и мифотворчество. В условиях глобализации локальные и национальные мифы приобретают способность расширять границы своего существования и становиться достоянием уже не одной, а нескольких культур. В связи с этим способы бытования мифа в разных культурных сообществах, его репрезентация в речи и тексте, а также использование и даже эксплуатация в тех или иных целях заслуживают внимательного и критического обсуждения.

С национальной мифологией тесно связаны гендерные стереотипы общества. Остановимся на отдельных аспектах процесса мифологизации образа женщины в американской и российской культуре XIX — начала XX вв. В данный период и в России, и в США одной из наиболее влиятельных сил, участвовавших в формировании культурной идентичности, была литература. Говоря о литературе, мы подразумеваем не только произведения, признанные классикой, но и более популярного толка, которые пользовались спросом в средних слоях общества и в дальнейшем стали основой массовой культуры.

¹ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 203 – 204.

Период XIX — начала XX вв. является наиболее значимым, поскольку именно тогда в США начался активный процесс создания целого ряда мифов, влиятельных до сих пор, в том числе и мифа об американской женщине. Результаты процесса, на наш взгляд, стали очевидны в США в первой трети XX в. До России миф об американской женщине уже в несколько трансформированном виде дошел лишь в конце XX в. И здесь можно говорить о восприятии современной российской культурой американской мифологии во многих ее аспектах, в частности в том, что касается мифологизированного образа женщины. Для понимания сути вопроса следует обратиться к истокам формирования мифа.

В древние времена мифология была основным способом восприятия и отражения мира, единственной и обобщенной моделью бытия человека и социума. Мифология весьма эффективно служила основным средством регуляции поведения и сознания людей. С течением времени миф как форма коллективного сознания лишается непоколебимой веры в реальную закреплённость и объективную данность события или явления, запечатленного в нем. По мнению известного исследователя древнегреческой философии и истории Ф. Кессиди, на определенном этапе развития общества миф начал «переосмысливаться, становиться средством выражения совсем не мифологических, а художественно-эстетических, религиозных, нравственных, философских и тому подобных идей»². При этом миф становится «одновременно необходимым и опасным (тем, прежде всего, что легко «окостеневаает», овеществляется и из освобождающей силы превращается в закрепощающую), а присутствие его в современном сознании разом избыточно и недостаточно»³.

Одним из относительно недавно возникших и, безусловно, весьма влиятельных национальных мифов является миф об Америке — сложное, многоаспектное и порой противоречивое явление. В его основе лежит мысль о том, что Америка — это новая, девственная земля, Новый Эдем. Еще в XVI в. испанский епископ дон Васко де Квироса сказал: «Не попусту, но по важной причине и основанию названа земля эта Новым Светом, не потому, что она новонайденная, но потому, что в людях своих и почти во всем она как земля в свой первый и золотой век»⁴.

² Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М., 1972. С. 55.

³ Популярная литература: Опыт культурного мифотворчества в Америке и в России, М., 2003. С. 7.

Миф о Новом Эдеме активно создавался «отцами-основателями» первой английской колонии Массачусетского залива. Первый губернатор колонии Джон Уинтроп пророчил пуританам-колонистам судьбу избранного народа, предназначение которого было ввести человечество в новую эру. Миф о Новом Эдеме немислим без мифа о Новом Адаме. Чувство принадлежности к «новому миру», создаваемому буквально на пустом месте своими руками, свобода от пороков старой, «разлагающейся» Европы, открытость, «первозданность» сознания легли в основу идеи о «новом человеке в новом мире», которую пропагандировали американские историки, политики, литераторы. Первым воплощением «Адама» в американской литературе стал Простак Бенджамин Франклина (*Poor Richard's Almanack*, 1732): доморощенный философ-труженик, весьма наивный во всем, что касается чувства, но знающий толк в деловой стороне жизни. Кем стал творец Простака, хорошо известно всем. Жизненный путь Бенджамин Франклина, описанный им самим в «Автобиографии», иллюстрирует еще одно слагаемое мифа об Америке — понятие «американской мечты».

Философией Нового Адама в первой половине XIX в. стала философия трансцендентализма, яркий пример взаимопроникновения национального и интернационального, взаимосвязи стран и культур, что делало ее весьма привлекательной для Америки. Теоретик трансцендентализма Ральф Уолдо Эмерсон объединил в своей концепции «платоновскую метафизику, теорию совершенствования, учение о мировой душе и о всеединстве мира, теорию познания Якоби в интерпретации Сэмюэля Кольриджа, натурфилософию Шеллинга, мистицизм Беме и Сведенборга, просветительский оптимизм, унаследованный унитаризмом»⁵. Помимо философской составляющей американский трансцендентализм обладал ярко выраженными чертами религиозного учения, остро полемизируя с ортодоксальным кальвинизмом. Эссе Эмерсона «Доверие к себе» (*Self-Reliance*, 1841) его современники назвали «декларацией интеллектуальной независимости», в нем Эмерсон сформулировал своеобразный «моральный кодекс» американца. Одним из основополагающих принципов, про-

⁴ Цит. по: Популярная литература: Опыт культурного мифотворчества в Америке и в России, М., 2003. С. 151.

⁵ *Осипова Э.Ф.* Связь национальных и европейских традиций в творчестве Р. Эмерсона // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX — XX вв. Проблемы эстетики и поэтики. Иваново: ИвГУ, 1985. С. 38 — 39.

возглашенных Эмерсоном, был индивидуализм. «Общество — не что иное, как заговор против человека. Общество — это компания акционеров, в которой ... превыше всего ценится конформизм. Доверие к себе прямо противоположно по смыслу... Тот, кто хочет быть человеком, не должен быть конформистом... Единственная ценность — собственный ум. Оправдай себя перед самим собой, и мир оправдает тебя»⁶. Исторически сложилось так, что в начале освоения колонистами американского континента равно и мужчины, и женщины оказались в новых социокультурных условиях. Но творцы Нового Адама и идеологи «американской мечты» предпочли не включать в нее женщину, оставив ее в прежнем, привезенном из Старого Света, статусно-ролевом положении. Но привычные и устойчивые конструкты женственности/мужественности в новых условиях выстраивания национальной идентичности постепенно стали приобретать отчетливые черты, дополненные типично американскими. В них отразилась потребность американского общества в новой вариации национального характера, который, по справедливому замечанию известного историка Давида М. Поттера, «складывается из характеров ее мужчин и ее женщин. Обладая целым рядом общих черт, они при этом никогда не являются абсолютно идентичными»⁷. Следует заметить, что Поттер был одним из немногих историков, которые при изучении американского национального характера обращали внимание на гендерную составляющую. Большинство исследователей делали объектом исследования человека вообще, принимая как аксиому то, что этот человек — мужского рода. Колониальный период в истории Америки отмечился в массовом сознании образами «сейлемских ведьм». Женщина как исчадие ада и обитель греха — один из постулатов ортодоксального кальвинизма. Пуританизм, который из-за войны с католицизмом отринул образ Святой Девы, можно назвать мужской религией. Огромное, в определенной степени сохраняющееся и до сих пор, влияние нравственных постулатов пуританизма породило такой перекосяк в национальном сознании американцев, что в парадигме нового национального сознания долго не находилось мес-

⁶ *Emerson, R.W. Self-Reliance // A Nineteenth Century American Reader. Ed. by M. Thomas Inge. Washington: USIA, 1989. P. 105.*

⁷ *Potter, David M. American Women and the American Character // American Character and Culture in a Changing World: Some Twentieth-Century Perspectives. Greenwood Press, 1979. P. 224.*

та для женщины. Вплоть до последней четверти XIX в. американская литература избегала всего, что касается женщины и связанной с ней сексуальной энергии.

Важными слагаемыми американского национального сознания были молодость и невинность. Культ юности уходил своими корнями в историю страны, изначально противопоставившей себя всему старому и, по всеобщему мнению, косному. Возвращаясь к Эмерсону и к его эссе «Доверие к себе», стоит процитировать следующую мысль: «Не надо думать, что у юности нет власти... Мальчишка, независимый и безответственный, смотрит на людей и события, происходящие вокруг него, и оценивает их по-своему, достаточно просто, как плохие или хорошие, интересные или глупые, сложные или простые. Он никогда не беспокоится о последствиях, об интересах, он выносит независимый и единственно верный вердикт. Вы [взрослые] лелеете его, а не он вас»⁸. В первой половине XIX в. начал создаваться миф об американской девушке («American Girl»). Его становление и упрочение связывается с возрождением англосаксонской традиции, почитание которой стало неотъемлемой частью культуры высших слоев общества. В понятии «WASP» (White Anglo-Saxon Protestant) явственно проявился культурный этноцентризм новой нации, которая, несмотря на свою «первозданность» и «невинность», не могла отрешиться от ценностных установок Старого Света.

Женщина должна была обеспечить сохранность англосаксонской традиции и передавать ее из поколения в поколение. Но поскольку данная традиция была перенесена на новую, пропитанную пуританизмом, почву, то культ женщины выразился в почитании американской девушки, чья юность и невинность были призваны символизировать юность и невинность Америки в противовес старой и погрязшей в грехах Европе.

«Американская девушка» в определенной степени объединила мужские и женские качества, став хранительницей культурных ценностей американского общества в один из самых сложных периодов его истории. В то время, когда мужчины Америки активно прокладывали железные дороги на запад континента, а их жены обеспечивали им крепкий тыл, американская девушка становилась визитной карточкой страны в прямом и переносном смысле слова. Европа была наводнена юными американками, которые, не задумываясь, тратили

⁸ Цит. по: *Emerson, R.W. Self-Reliance // A Nineteenth Century American Reader. Ed. by M. Thomas Inge. Washington: USIA, 1989. P. 104 – 108.*

деньги и демонстрировали Старому Свету независимость и свободу Нового Эдема.

Новая национальная мифология во многом создавалась усилиями литераторов: как маститых и общепризнанных классиков, так и авторов достаточно примитивных произведений. По меткому замечанию Уильяма Уосерстрема, большинство героинь американской литературы XIX в. — «маленькие девочки, которые никогда не вырастут»⁹. Стоит отметить тот факт, что произведения, пропагандировавшие и насаждавшие культ вечной женской юности, создавались женщинами, выполнявшими социальный заказ по воспитанию поколения американок.

В ряду мифологизированных женских литературных персонажей выделяются Дейзи Миллер, героиня повести классика американской литературы Генри Джеймса («Дейзи Миллер», 1877), и Полианна, героиня полузабытого романа Элеонор Портер «Полианна» (1913). Энтузиазм и оптимизм первых пореволюционных десятилетий сменился в XIX в. разочарованием в демократических идеалах и пессимизмом по поводу возможности создания «нового человека в новом мире». Дейзи Миллер стала воплощением критического восприятия Генри Джеймсом американской действительности. «Американская девушка» Генри Джеймса из-за своей независимости вызывает чувство опасения у жителей Европы. Она гибнет, столкнувшись с непонимающим и непонятым миром Европы, однако, причина гибели Дейзи коренится не только во внешних условиях, но и в ней самой, в ее излишней самоуверенности. Выйдя в мир, героиня Генри Джеймса бессильна перед его опасностями, поскольку с рождения пребывала в уверенности, что Америка — предмет всеобщего восхищения, а ей, как представительнице Нового Света, ничего не грозит. Генри Джеймс, с одной стороны, стремится развенчать уже созданный к 1870-му гг. миф, с другой — сам участвует в его создании, изображая на страницах своих произведений образ гордой, юной американки, которая несет дряхлеющей Европе новую идеологию молодости и независимости.

На противоположном полюсе (с точки зрения качества литературного произведения) находится Полианна, чье имя стало нарицательным и вошло в словари английского языка со значением «неисправимый оптимист». Роман Э. Портер явил читающей публике США

⁹ Цит. по: Warren, Joyce. *Individualism and Women in Nineteenth-Century American Fiction*. New Brunswick and London: Rutgers University Press, 1989. С. 261.

ничем не примечательную юную девушку, которая тем не менее каждый день спасает мир, превращая зло в добро, горе в радость. Что бы ни случилось, Полианна добра, весела и смотрит в будущее с оптимизмом.

Произведение Э. Портер было типичным образцом зарождавшейся массовой культуры. Спаситель мира на маленькой кухне в облики оптимистки-девочки — тот образ, который был нужен Америке в 1913 г. Полианна несла на своих хрупких плечиках тяжелый груз национальной идеи, которая рухнула, едва началась Первая мировая. Циничные и разочаровавшиеся 1920-е назвали Полианну «счастливой идиоткой», противопоставив ей новую американскую девушку — флаппера. Миф об американской девушке не ушел в прошлое, продолжив свое существование в другом обличье.

С появлением средств массовой информации роль художественной литературы в обеспечении дальнейшего функционирования мифа значительно уменьшилась, ей на смену пришло телевидение и кинематограф, которые продлевают жизнь образу вечно молодой и невинной Америки. Показательным в этом смысле является фильм С. Мендеса «Красота по-американски» («American Beauty», 1999). Образ молодой девушки, кичащейся своим богатым сексуальным опытом, есть трансформированный временем образ «American Girl». Влюбленный в нее главный герой фильма меняет свою жизнь, чтобы понравиться ей. В кульминационный момент фильма девушка оказывается девственницей, скрывающей свою невинность от окружающих, которые восторгаются развращенностью. Национальная мифология приходит на помощь режиссеру в его острой критике американского общества, заставляющего невинность изображать из себя порочность.

Россия – не СССР: о ценностных основах консолидации российского общества

В.И. Михайленко

«Я еще не понял, проиграли ли они вообще...».
М. Жванецкий (сентябрь 1991 г.)

Какое наследство имеем. Есть версия, что книгу «Украина – не Россия» президенту Кучме помогали писать российские политтехнологи. Даже если это не так, выбором наименования данных тезисов хотелось бы продолжить тематическую линию, начатую книгой украинского президента, и намекнуть кремлевским социально-политическим инженерам на невозможность повторного путешествия в одну и ту же историю.

Прежде всего, советский проект, длившийся две трети века, что само по себе в современной быстротечной жизни не так уж мало, жестко обозначил пространственно-временные рамки своей эффективности. Он дошел до основания в выстраивании вертикали власти, гомогенного общества и его атома – советского державного человека, полностью отрешенного от его социальных корней, деэтнизированного, деиндивидуализированного, десоциализированного, стерильно светского и т.д.

Возможно, история человечества не знает иного примера предельной мобилизации власти, общества и человека для решения задач «догоняющей модернизации»...

Не будем здесь обсуждать вопрос о том, можно ли было при более разумном выборе средств и методов избежать трудностей и несчастий, выпавших на долю советского человека и общества. Но вполне обосновано и аргументировано можно утверждать, что ни один другой социум не смог бы потребовать от общества и человека такой жертвенности и самопожертвования в решении поставленных властью задач. И тем не менее они вместе – советский человек, общество и государство – рухнули в одночасье, задохнувшись в предельном единстве и специфической идентичности. Не станем впустую тратить время на обращение к заказным объяснениям краха Со-

ветского Союза «предательством» элит или отдельных лидеров, внешних «заговоров» и т.п.

Попробуем рассмотреть особенности советской идентичности по видам идентичности: социальной, этнической, гражданской.

Как ни странно, по своей сути советский проект идентичности представлял собой *плюралистическую тотальность*. Наиболее важными в рамках настоящего дискурса являются следующие вопросы: как проходил транзит исторического архетипа (российского имперского общества и индивида) в *современность*, и как трансформировался исторический архетип в рамках советской модернизации?

Его идеологическую и культурную оболочку составляли либералистские идеи прогресса, освобождения, демократии, братства, равноправия, прав человека. Он предлагал разрыв с темным прошлым и противопоставлял ему светлое будущее. В этом отношении советское государство не только овладело стратегической инициативой в мировом цивилизационном процессе, но и имело близкую цивилизационную матрицу с другим протагонистом мирового процесса — США. Идеологическое соперничество между ними происходило в рамках одной и той же ценностной цивилизационной парадигмы.

Советский проект вписал архаичную социальную структуру неразвитого буржуазного общества в современность: крестьянскую общину — в колхозы, раскрестьяненного индивидуума в производственную корпорацию. Изменение социального статуса индивида было амортизировано психологической преемственностью переходного процесса.

Что «выпало в осадок» в итоге советской социальной трансформации? Социальная идентичность массового постсоветского индивида и общества как социально-психологическое образование: добуржуазный социальный человек, добуржуазная психология, добуржуазные социальные и экономические отношения.

Перейдем к вопросу об этнической и религиозной идентичности в советский период. Концепция примата советского человека, советского общества и советского государства отодвинула проблему этнической и религиозной самоидентификации на второй план. Советский режим задержал процессы становления буржуазных экономических отношений, национализации масс и становления национальных государств, но не решил их.

Что представлял собой *homo soveticus economicus*? Свобода, прибавочный продукт, прибыль, буржуазная этика производственных отношений были замещены самым дорогим человеческим продуктом — ценой жизни и правом на жизнь. Нельзя сказать, что это абсо-

лютно неэффективная система организации труда. В военно-мобилизационном варианте она оказалась достаточно эффективной. Собранные в «шарашки» ученые удачно клонировали лучшие западные технологии, а в некоторых случаях создавали и более передовые образцы. По- существу, *homo soveticus economicus* представляет собой современную разновидность рабов, с атрофированными навыками творческой инициативы, трудовой солидарности и производственного интереса.

Человеческие ресурсы в современной России продолжают оскучивать за счет естественной «утечки» за границу молодых креативных личностей, которые не хотят «положить жизнь» в бессмысленной борьбе с отечественной бюрократией.

Модернизация и ее идеальные типы. Модернизацию мы понимаем как процесс изменения в направлении некоего общепризнанного эталона, идеального типа.

Как бы не упрекали и сколько раз не хоронили бы европейско-атлантическую цивилизацию, не менее 600 последних лет понятие «модернизация» означает движение в направлении ее достижений, а ее социальные и экономические модели являются идеальными типами.

В широком контексте социальных отношений главным смыслом модернизации является переход от традиционного к современному обществу¹. Главной чертой *традиционного* общества является доминирование традиции над инновацией. Вторым по значению признаком выступает наличие религиозного или мифологического оправдания традиции. Возможность быстрых преобразований блокируется этими формами сознания, и модернизаторские попытки, которые могут иметь место, не завершаются, — возникает попятное движение. Именно это — движение вперед и возврат назад — создает циклический характер развития, характерный для традиционных обществ. В этих обществах еще нет четкого разделения на ценности инструментальные (регулирующие повседневное поведение и деятельность) и мировоззренческие (связанные с представлениями о мире). Существует подчинение инструментальных ценностей мировоззренческим: жесткий мировоззренческий контроль, внутренняя и внешняя цензура поведения и мышления людей, неизбежно ведущая к политическому авторитаризму, оправданию деятельности авторитетом и отсутствию личных свобод. Совершенно понятна ориен-

¹ Феготова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопр. философии. 2000. № 4.

тация таких обществ не на науку, а на венаучное мировоззрение. В духовном смысле это общество не живет сегодняшним днем.

Напротив, центральной фигурой *современного* общества является активный и критически мыслящий индивидуум, заявляющий о примате своих прав по отношению к обществу и государству. В любом случае фокусом современных обществ выступает индивидуальность, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации. Современным становится не только общество, но и человек. Как показывает исторический опыт, индивидуальная модернизация — процесс не менее драматичный, чем социальная.

Процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, который требует изменения идентичности людей модернизирующегося общества. Индивид, рынок и правовое государство — вот символы и основа современной западной цивилизации. А ее движущей силой являются индустриальные и научные революции.

Представленная выше типологизация традиционного и современного общества, как и любая иная типологизация, абсолютизирует существенные черты и игнорирует другие, особенно полутона. Так, за скобками анализа остались переходные модели модернизации, варианты традиционалистской модернизации и модернизированного традиционализма, традиционалистской современности. Кажущаяся линейность исторического движения западной цивилизации не является очевидной. За ней скрывается множественность предложений на один и тот же вызов современности, в том числе в самой западной цивилизации. Только в XX в. это были либерально-демократические, традиционалистского типа, фашистские, национал-социалистические, коммунистические, социал-демократические и другие общества.

Каждый раз, когда модернизация (современность) бросает вызов цивилизациям, именно Запад находит наиболее эффективные пути и средства модернизации, добиваясь превосходства над другими цивилизациями. Так было, по крайней мере, на протяжении всего христианского времени.

За счет чего достигается эта мобильность и гибкость реагирования? На поверхности находится одно из важнейших преимуществ Запада над другими цивилизациями: общественный плюрализм и отсутствие социальной, экономической, политической и идеологической статичности. Именно они вырабатывают не один, а несколько вариантов ответа на вызов современности. Общество должно быть открытым, поскольку не существует никакого окончательного знания относительно общественно-политического процесса.

Прежде всего, становится очевидной необходимость расширительного толкования процесса модернизации, включающего, как минимум, следующие субстанции: социальную (институты, традиции, обычаи), политическую (организация власти), культурную (ценности, нормы, культурные образцы), капитала (производственные отношения, рынок, экономическая инфраструктура). Вышеупомянутые субстанции, их производные и другие факторы, участвующие в процессе модернизации, проявляют себя неодинаковым образом, тем самым создавая бесконечные комбинации и формы модернизационных процессов. Стабильность обеспечивается сложным механизмом сдержек и противовесов, который приводит общественную систему к состоянию динамического (подвижного) равновесия сил².

Россия – страна «догоняющей модернизации». В XX в. произошло очередное «выпадение» России из истории. Насильственная «догоняющая модернизация» обескровила ее силы и большой модернизационный скачок исчерпал свой потенциал в последней четверти XX в. Пройденный Россией в советский период путь развития — это один из вариантов отлучения страны от мирового прогресса.

Речь идет не только об уничтожении человеческого и ресурсного потенциала за прошедшие десятилетия, но и о дефектном характере созданных производительных сил, которые не могут быть механически перенесены из одной эпохи в другую. Их перестановка на новые общественные рельсы частью попросту бесполезна, частью предполагает новые затраты. Сегодня Россия и бывшие развитые страны советского блока отброшены на четвертый – пятый уровни мировой технологической пирамиды и ведут жестокую конкурентную борьбу за возможность подняться на третий уровень. «Их отставание от развитых стран, занимающих второй «этаж», сегодня можно с полным основанием считать окончательным и необратимым»³.

В предвыборной программе 2000 г. тогда еще претендент на пост президента, В.В. Путин определил главную задачу для России — осуществить модернизацию. К настоящему времени Россия обрела макроэкономическую стабилизацию и политическую стабильность, но не инновационное развитие. В недавнем телевизионном выступлении Нобелевский лауреат академик Жорес Алферов определил инновацию как приращение знаний.

² Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 199-202.

³ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. М., 2000. С. 104.

Россия не приблизилась к решению задач модернизации. Россия остановилась в решении таких задач, как формирование механизма, который обеспечил бы рост на базе эффективной рыночной экономики. Для этого, как минимум, было бы необходимо формирование класса эффективных собственников, развитие конкуренции, либерализация ряда секторов (особенно естественных монополий).

Публичная и основанная на прозрачных правилах и процедурах политическая конкуренция внутри политической системы отсутствует. Федеральная власть крайне ослабила региональные элиты и вытеснила из политики большой бизнес, практически отсутствует разделение властей, система сдержек и противовесов.

Основная проблема, пожалуй, заключается даже не в том, удастся ли во второй срок президентства В.В. Путина удвоить ВВП, а в том, удастся ли за этот период подготовить Россию к решению задачи модернизации?

План действий правительства РФ в области социальной политики и модернизации экономики, утвержденный в июле 2000 г., предполагал модернизацию российской экономики и обеспечение устойчивого экономического роста за счет повышения конкурентоспособности, прогрессивных сдвигов в структуре экономики, осуществления структурной политики, обеспечивающей ускоренное развитие отраслей с новым технологическим укладом, активное использование результатов инновационной деятельности, более тесную интеграцию России в международную систему разделения труда⁴.

Прошло 5 лет и до сих пор непонятно, какие ресурсы намеревается использовать политическая элита для очередного модернизационного рывка, какова стратегия модернизации, в каком направлении будет осуществляться отложенная мобилизация масс?

Используя некоторые исторические аналогии, в частности с реформами Пиночета, можно предположить, что тенденция к ослаблению демократических институтов и укреплению авторитаризма являются неизбежной ценой, которую российское общество платит за политическую стабильность, экономический рост и возможную в будущем модернизацию страны. Но пиночетовская модель реализовалась в период холодной войны и в государстве, занимавшем маргинальные позиции в мировой политике.

Соответствует ли авторитарная модель модернизации, позволив-

⁴ Григорьев Л., Загорский А., Урнов М. Второй срок президентского правления В. Путина: дилеммы российской политики. М.: Права человека, 2004.

шая многим странам успешно решить задачи преобразования аграрного общества и индустриализации, требованиям качественного инновационного развития и формирования постиндустриального общества? Ведь ликвидация конкуренции в политике неизбежно ведет если не к ликвидации, то к серьезному ограничению конкуренции в экономике. При этом «авторитарность» государства не обеспечивает мобилизацию ресурсов непосредственно государством, как это не раз делалось в XX в. Так что такой вариант связан с угрозой ограничения возможностей модернизации «снизу», не компенсируя соответствующие потери путем мобилизации ресурсов «сверху».

Отсутствие или слабость институтов гражданского общества, в том числе независимых от государства средств массовой информации, а также слабость политических партий способствует усилению коррупции и деградации власти. Эксперты обращают внимание на то, что при благоприятном стечении обстоятельств в условиях «управляемой демократии» возможно поддержание относительно высоких темпов «догоняющего» развития России, характерного для развивающихся стран. Однако авторитарная модернизация вряд ли позволит стране выбраться с периферии мирового хозяйства, изменить сырьевой характер экономики, ориентированной на доходы от экспорта⁵.

Тотальная идеология против тоталитаризма. Та решительность, с которой институты государственной власти уничтожают слабые ростки не огосударствленных корпоративных интересов, позволяет прогнозировать быстрое решение задачи создания монопартийного политического поля. Возможное существование нескольких декоративных партий не нарушит однородный политический ландшафт. Дело осталось за малым — подобрать подходящую идеологию. В том, что в ее центре будет находиться идея «Бога-государства» и его верных слуг-чиновников, не приходится сомневаться. Только либералам приходит в голову безумная мысль о том, что чиновники наняты гражданским обществом и человек важнее государства.

В период президентства Б.Н. Ельцина среди откликнувшихся на призыв сформулировать национальную идею была группа исследователей, которая попыталась сформулировать концепцию *тотальной идеологии* для новой России⁶. Методологические подходы авторов разработки навеяны теорией Карла Мангейма о разделении иде-

⁵ Там же.

⁶ Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопр. философии. 2000. № 11.

ологий на «тотальные» и «частичные». Тотальная идеология — «идеология, разделяемая всей нацией, страной, государством и/или каждым гражданином». Частичная идеология — узкопартийная идеология. Авторы разработки исходят из того, что частичные идеологии генерируют постоянную опасность выхода на государственный уровень и превращения насильственным путем частичных идеологий в тотальные. «Частичная идеология всегда создается определенной группой людей, отражая их представления о власти и программу ее действий»⁷.

К. Маннгейм противопоставлял частичным идеологиям (партийным, классовым, узкогрупповым) тотальную идеологию, разработанную интеллигенцией, стоящей вне групповых интересов. Именно интеллигенция, по его мнению, способна противостоять тоталитарным устремлениям массового общества. Как теоретическая модель, система «тотальной идеологии против тоталитаризма» представляется возможной. Практическая же реализация этого проекта в российских условиях наводит на противоположные мысли.

Например, авторы справедливо пишут об идеологическом значении языка как основы формирования национального сознания, который «задает методологию жизни в культуре, демонстрирует стабильность во времени и пути развития, жесткие нормы и правила коммуникации, ориентированные на читателя и слушателя...»⁸. Авторы ссылаются на «Пигмалион» Б. Шоу, в котором, как известно, профессор Хиггинс превратил «массового человека» Элизу Дулитл в полноценную англичанку. Но как оценить нарождающуюся российскую тотальную идеологию, в которой в качестве стандарта предлагается язык Элизы Дулитл? Иначе, как говорит власть, народ не понимает, к примеру, сложной музыки Глинки и сложного текста гимна. И власть права: массовая культура воспринимает окружающий мир «слоганами» публичной рекламы.

Далее авторы пишут о том, что «государство, заявляя о поддержке национальной идеологии как приоритетной задаче, должно неминуемо сделать следующий шаг — объявить, что оно принимает национальную идеологию такой, какой она существует...»⁹. При этом авторы считают, что не может быть национальной идеологии как некоего целостного кем-то разработанного и сформулирован-

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 22.

ного мировоззрения. «Это должна быть идеология каждого человека, ощущающего в ней потребность»¹⁰.

В чем-то с авторами предлагаемой разработки можно согласиться, если расставить дополнительные акценты. При некоторых условиях тотальная идеология действительно может стать альтернативой тоталитаризму. Но при каких? Во-первых, если государство в подходе к национальной идеологии будет учитывать и поддерживать исходное культурное, идеологическое и политическое многообразие и видеть свою задачу в его поддержании путем выполнения посреднической функции, пресекая лишь экстремистские проявления. В этом и заключается, на наш взгляд, национальная идея современного этапа российской государственности. Государства, понимаемого в аристотелевском смысле как «общение»¹¹. Во-вторых, если государство не будет стремиться выстраивать некую универсальную и объединяющую идеологию, составленную из таких же исторических суррогатов как символы сегодняшней российской власти, олицетворяющие собой знаковую систему имперского прошлого и классовой борьбы. В противном случае понятие «тотальная» может трансформироваться в сторону своего семантического близнеца «тоталитарное». На этом примере нам хотелось бы подчеркнуть, что «китайской стены» между тотальными и тоталитарными феноменами не существует.

Идеология для президента

Сойдя с либеральных рельсов, Россия утратила стратегическую инициативу. Комплекс идей, предлагаемых современной правящей элитой и для современной правящей элиты черпает свои ресурсы в феодально-имперско-советском прошлом. Одно дело использовать историческую мифологию для развития исторического самосознания народа и обоснования исторической общности. И совсем иное дело опираться на архаичные идеи, итогом реализации которых станет «откат» к социальному, политическому, экономическому и духовному порядку прошлого.

По мере консолидации государственной бюрократии в России возрастает спрос на тоталитарные проекты. Где в современном мире общественным спросом пользуются идеи, скажем, Р. Генона, Ю. Эволи, Г. Майринка, Ж. Тириара? Попробуем представить кого-нибудь из

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ *Аристотель*. Политика. Афинская политика. М., 1997. С. 35.

этой плеяды «властителей маргинальных умов» в качестве советника председателя палаты депутатов в европейской стране? Такое стало возможным только в современной России, в которой государственная бюрократия завершает выстраивание политической и экономической вертикали и крайне нуждается в идеологическом обосновании своей доминирующей роли. Претендуя на первые роли в государстве, она уничижительно относится к самой возможности и способности общества обосновать собственную культурную или политическую идентичность и самому найти формы их выражения и защиты.

Недавно общественность познакомилась с продвижением группой политологов нового идеологического «товара» для российских правящих элит в упаковке под названием «неоконсерватизм». Как отметил один из инициаторов проекта политолог Станислав Белковский, «в России нет власти, которая бы обладала правильной национальной стратегией»¹². С. Белковский исходит из того, что Россия является «самостоятельной цивилизацией». В связи с этим российский консерватизм не может быть похожим на американский или любой иной. Участвовавший в дискуссии традиционалист Александр Дугин не оставляет сомнений в том, что он под консерватизмом понимает евразийскую идеологию, которая по своему происхождению и содержанию никогда не имела никакого отношения к европейскому или американскому консерватизму. Кроме того, А. Дугин рассматривает идеологию «для Путина» как узко элитарную, которую не в состоянии освоить не только массы, но даже широкие слои интеллигенции. По его мнению, «самая непротиворечивая модель реконструкции последовательной преемственности различных эпох русской истории, включая демократическую, коммунистическую, царистскую и т.д., была воссоздана еще в 20-е гг. евразийцами. Мы, неоевразийцы, на рубеже XX в. подхватили этот подход и применили его к новейшей российской истории. Собственно говоря, неоконсерватизм и неоевразийство — это синонимы». По его мнению, только евразийство может осуществить «тонкую реконструкцию непрерывной идентичности русской истории». Кроме того, он утверждает, что «в России не существует фундаментальной оппозиции между неоконсерватизмом (неоевразийством) и либерализмом».

Это сомнительное утверждение во многом связано с расхождением между либеральным и традиционалистским толкованием свободы личности. По мнению Станислава Белковского, «свобода личности

¹² <http://www.echo.msk.ru/interview/7.html>

имеет мистическую, религиозную природу». «Люди свободны постольку, поскольку они созданы по образу и подобию Божию». «Свобода имманентно присуща человеку, она существует столько же, сколько существует человечество, не является результатом эволюции человечества и накопления каких-то социальных процессов». «Свобода существует внутри человека и русская общинность, русская коммунитарность — это форма высвобождения русского сознания от некоторой системы материальных зависимостей, реально приходящих в противоречие со всеми свободами, о которых вы говорите».

Развивая тему российского общинного сознания, А. Дугин утверждает, что «российская традиция основана на понятии коллективного субъекта». «То есть община — как «я», это то, что дает нам нашу индивидуальность, и то, что наделяет нас словом, которое мы произносим, и за свободу которого мы боремся. Вспомните наших народников, вспомните колоссальное революционно-демократическое движение в России — они боролись не за индивидуальное слово, а за то, чтобы это слово было нагружено общественным смыслом. Вот эта общественная доминанта — это постоянная часть, характеристика нашей национальной истории. И поэтому, в зависимости от того, к какому обществу и к общине принадлежит человек, в зависимости от этого он по-разному понимает понятие «свободы», понятие нравственности, индивидуума, даже «личность» — слово греческое, «персона», а латинская традиция знает «индивидуум» — и это разные вещи».

Относительно государственного устройства А. Дугин настаивает на применении имперского принципа. «Империя это означает не государство-нация, где существует, по французскому образцу, единая модель — единое общество и гражданин, и все. В империи существует стратегическое единство имперского центра и множества общин — больших, огромных, как, например, преобладающие конфессии или преобладающий этнос, и маленьких, самых разнообразных — каждый в рамках своей общины, на разных уровнях, спокойно, в рамках евразийского парламента высказывают свои самые маленькие притязания и всех будут слушать и с ними считаться».

На вопрос относительно отношения современных евразийцев к созданию в России открытой экономики как части мирового экономического пространства А. Дугин ответил, что он выступает за дифференцированный подход. Этот подход означает объединение близких по культуре или цивилизационным параметрам стран в «единое большое пространство», которое вступает в открытый обмен с некоторыми внешними пространствами. Как только баланс развития

этих различных зон приобретает более или менее равномерный характер, границы снимаются.

В шокирующей циничной форме политолог С. Белковский заявил о том, что правящая элита должна обратиться к тем типам политических режимов, которые отвечают традиционалистским архетипам коллективного бессознательного.

В завершение беседы А. Дугин, по-существу, ответил на вопрос, какое содержание может иметь отложенная мобилизация масс. «...У нас есть необходимость отстоять свою цивилизационную идентичность и модернизировать наше общество и нашу экономику, и эти два элемента — и идентичность и модернизация экономики (плюс социальной организации)». «Но здесь принципиальный вопрос — в рамках России? Это пространство не является большим с точки зрения экономики. Более приближается к большому пространству, в категории европейских экономистов континентальной школы, как Лист, или наш Витте, — СНГ, но его тоже недостаточно. Без включения в это большое пространство ряда восточных рынков и это не даст никакого эффекта, или даст небольшой эффект...». Надо интегрироваться со схожими режимами — экономически развитыми приблизительно так же, как мы, — и начать подтягивать те сегменты промышленности, в частности, сектор высоких технологий... В первую очередь СНГ, во вторую очередь — это Индия, это Иран, ряд стран Ближнего Востока. Экономически это огромные рынки для России. Мы будем искать общую идентичность с теми, кто нам близок — со странами СНГ... это единая цивилизация. Мы и страны СНГ — это элементы единой цивилизации... Казахстан в первую очередь. Украина, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан, Армения, — практически все. Даже Грузия. Это часть полноценного неоконсервативного евразийского проекта. И далее отметил А. Дугин, осталось решить задачу «инвестиции неоконсерватизма как идеологии президента в идеологию более широкого политического субъекта. И может быть, теоретически, только одна организация — это «Единая Россия». «Вот такая модель корпоративного государства», — добавил С. Белковский. Возразив при этом А. Дугину, что носителем такого проекта может быть только «богоданная власть».

Ирина Хакамада в категоричной форме определила евразийскую идеологию, как опасную для современной России. «Вашу неоконсервативную теорию используют теперь для того, чтобы убить какое-либо свободомыслие, какой-либо инструмент защиты прав меньшинства, убить гражданское общество, независимое от государства, убить в человеке какую-либо зарождающуюся способность брать от-

ветственность на себя. Используют конъюнктурно неоконсерватизм, чтобы возродить тупой патернализм и авторитарную систему. В этом плане вы опасны...» Коррупцированная безнравственная элита их использует для поддержания собственного коррупцированного баланса и обрушит всю страну.

Какая идеология и духовные ценности будут предложены обществу?

Поскольку буржуазно-демократическая прививка российскому обществу в очередной раз не удалась, несложно прогнозировать те немногочисленные варианты, которые правящая элита может предложить. В основе всех вариантов центральное место будут занимать:

проблема политической консервации (несменяемости) нынешней правящей элиты у власти, проходящей под знаком политической стабилизации;

прямой или опосредованный контроль со стороны правящей элиты за основными средствами производства и источниками доходов (тотальность этой политики может варьироваться);

властно-охранительный характер идеологии.

Идеальным для власти является преимущественно светский характер идеологической матрицы. Ситуативно — светско-клерикальная идеология. В первом и втором случае — идеология, обращенная к идеалам исторического прошлого. Нежелательный для нынешней власти вариант — преобладающе клерикальная матрица.

Поскольку проблемы «собственности» правящая элита воспринимает на добуржуазном уровне, мобилизационный ресурс идеологии, скорее всего, будет направлен на использование внеэкономических механизмов мобилизации масс.

Наиболее вероятным ресурсом мобилизации общества представляется искусственное конструирование внешних и внутренних врагов. Наиболее безопасным из внешних врагов является анонимный адресат — «международный терроризм», с намеками на иных миноритарных противников. Внутренний противник — преимущественно носители либеральных идей, поскольку только они могут противопоставить рационально обоснованный альтернативный вариант развития, обращенный в будущее.

Пройдет не так много времени и неэффективная государственная бюрократия найдет нового кумира, а на прежнего будет свалена вся ответственность за сегодняшние просчеты. Так начнется новый отсчет циклического движения российской истории.

Риски выпадения из мирового сообщества

По большому счету дискуссия о «либеральном» или «державном» государстве сводится к обсуждению взаимоотношений между тремя субстратами в современном государстве, а именно — «личность — гражданское общество — государство». Как известно, в первом случае вектор власти тяготеет к примату личности и гражданского общества, во втором случае к примату государства. В первом — действует подвижная система договорных отношений между властными субъектами и система «разделения властей», во втором — жестко сконструированная властная вертикаль. Один из архитекторов тоталитарного государства Бенито Муссолини обронил крылатую фразу: «Все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства».

Все тоталитарные государства рушились мгновенно и быстротечно. И ни одно из них не восстановило свою «державность» на основе новой тоталитарной модели. Известные исторические примеры свидетельствуют, что процесс «выхода» из тоталитаризма был сложным, многолетним и имел своей конечной целью приближение к одному из либеральных проектов.

Все тот же фон Мизес замечает, что на уровне типологического обобщения государственных устройств на самом деле никакого «третьего пути», «третьей системы» между советской, тоталитарной, и американской, либеральной, не существует¹³.

Заключение

Прежде всего, мы проигрываем внутри, не сумев выстроить стратегию экономического роста, политического и духовного возрождения. Не достигнуто понимание основной проблемы стратегического развития страны. Вместо того чтобы думать, как добиться экономического роста и невыпадения из мировой экономики, мы до сих пор спорим вокруг идеологии или теоретических моделей развития — либеральной или державной (этатистской). Вместо того чтобы осознать, что Россия стратегически выпадает из складывающейся в мире модели постиндустриального развития, обеспечивающей, как правило, ее участникам, даже второстепенным, рост благосостояния, мы дискутируем относительно «величия» и престижа страны. При этом

¹³Mises L. Burocrazia, Milano, 1991. P. 25.

страны, не применяющие к себе термин «великий», уверенно развиваются и давно обошли Россию (Германия, Япония, Италия, Канада, Южная Корея).

Выживание и развитие страны зависят от того, сможет ли ее политический класс ответить на вызовы и возможности нового мира, адекватно оценить этот новый мир, в котором предстоит жить России. У России нет разумной альтернативы глобальному вовлечению в мировой процесс экономической интеграции. Неразумная есть...

А как же быть с ценностными основами российского общества? Некоторые исследователи, например, рассматривают идеологию как инструмент управления ресурсами и самоорганизации общества¹⁴. Главная ее задача заключается в качественном содействии росту согласия между обсуждаемыми идеями, организующими ресурсы, и реализуемыми на практике алгоритмами оборота этих ресурсов. Квалифицированное воздействие должно осуществляться исключительно в режиме актуальной настройки системы, а не в процессе «революционных» конфронтаций и профессиональных «манипуляций»¹⁵. В качестве основы системы, подлежащей настройке и самоорганизации, рассматривается цикл взаимосвязанных уровней: Мировоззрение (как мироустройство) — Религия — Идеология (системообразующая) — Политика — Экономика — Быт (локально-неформальный уровень) — Мировоззрение (внутренний мир личности)¹⁶.

Может быть, не придумывать сегодня ничего сложного, а выдвинуть в качестве наиболее понятной всеобъединяющей идеи признание «абсолютной ценности человеческой жизни?» А далее следует определить стратегию и тактику сначала нахождения, а затем использования ресурсного потенциала для обеспечения достижения этой цели.

¹⁴ Конгратьев А. Идеология как инструмент управления ресурсами и ключевой компонент самоорганизации // Власть. 2004. № 9.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 17.

Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности

А.Г. Вишневецкий

Призрак иммиграции

По Европе, Америке, а также и по России бродит очередной призрак: на сей раз призрак нелегальной иммиграции. Усилить борьбу с этим злом требуют многие — от Вашингтона до Москвы. В их голосах звучит ностальгия по старым, добрым временам, когда границы — на замке и можно было не церемониться с назойливыми чужеземцами. Но слышна и растерянность, порожденная неясным осознанием того, что возврат к тем временам едва ли возможен.

«В 1953 г. начисто лишенный какой бы то ни было сентиментальности старый солдат по имени Айк (Дуайт Эйзенхауэр. — *Ред.*) приказал провести операцию "Мокрая спина" по выдворению из Штатов всех нелегальных эмигрантов. Может ли хоть кто-нибудь представить себе мистера Буша, приказывающего выдворить из Соединенных Штатов пять или десять миллионов нелегалов?» — с горечью вопрошает Патрик Бьюкенен¹. Известный американский политик перечисляет серьезные угрозы, проистекающие от неумеренно либерального отношения к нелегальным мигрантам, и под этим перечнем подписались бы и лидер французского Национального фронта, и многие российские губернаторы и милицейские начальники, а с некоторыми оговорками, — и автор этих строк.

Понимать, чем чревата незаконная миграция, безусловно, необходимо. Но проблема нелегальной миграции имеет и другие аспекты. Не окажется ли этот социальный феномен и связанные с ним риски лишь видимой частью айсберга, столкновение с которым грозит разрушить непотопляемый на вид европейско-американско-российский корабль современной городской цивилизации? Что находится там, в подводной части надвигающейся на нас ледяной горы? И не мешает ли нагне-

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. С. 172.

тание страстей вокруг незаконной миграции увидеть реальные опасности завтрашнего дня и заблаговременно к ним подготовиться?

В самом деле, что такое массовая нелегальная иммиграция, как не тень, отбрасываемая массовой иммиграцией вообще, ее неизбежный спутник в условиях, когда принимающие страны пытаются регулировать число мигрантов, а предложение превышает спрос? Поток желающих въехать в страну рассекается на две части: на тех, кому это дозволено, и тех, кому запрещено. Напор со стороны оставшихся за бортом и становится источником нелегальной миграции. Так что в основе данного явления лежит настороженное отношение к иммиграции вообще, причем нелегальная иммиграция — это лишь свидетельство того, что миграционные потоки не удастся поставить под жесткий контроль.

Демографический императив для «северного кольца»

СССР был одной из первых стран в мире, где во второй половине минувшего века установилось такое соотношение рождаемости и смертности, которое делало невозможным простое воспроизводство поколений. Это произошло в 1964 г.; в 1992 г. естественный прирост населения России сменился его естественной убылью. А так как естественный прирост населения страны являлся основным источником его общего роста, то сразу же началось и его сокращение.

Речь идет не о временном кризисе, по завершении которого все встанет на свои места и Россия вернется к расширенному воспроизводству населения, а об устойчивых переменах в массовом демографическом поведении. Они охватили население практически всех государств Европы, США, Канады, Японии. Вместе с Россией эти государства образуют так называемое «северное кольцо», а из стран, расположенных к югу от экватора, к ним относятся только Австралия и Новая Зеландия.

При сохранении нынешних демографических тенденций никакой серьезной перспективы роста численности населения в странах «северного кольца» нет. Даже при самом оптимистическом варианте оно может лишь незначительно увеличиться за счет Северной Америки. Население же России, так же как и всей Европы, обречено на сокращение (см. таблицу).

Долгосрочный — до 2100 г. — прогноз состояния численности населения России, впервые составленный недавно российскими демографами, подтвердил, что без крупномасштабных миграционных вливаний ее население будет быстро сокращаться³. Экстраполяционный, т. е. в

основном предполагающий сохранение современных тенденций миграции, вариант прогноза предсказывает, что число жителей России в 2050-м с высокой вероятностью будет ниже 100 млн, в 2100-м — ниже 70 млн человек. В прогнозе рассматриваются, конечно, и различные сценарии изменений рождаемости и смертности, но даже самые благоприятные из них не позволяют надеяться на перелом обстановки.

Население развитых стран по прогнозу ООН, млн. чел.²

	1950 г.	2000 г.	Варианты прогноза		
			низкий	средний	высокий
Все развитые страны	813	1194	1084	1220	1370
В том числе					
Европа	547	728	565	632	705
Европа без России	444	582	473	531	593
Россия	103	146	92	101	112
Северная Америка	172	316	391	448	512
Япония	84	127	101	110	119

Особая ситуация с Северной Америкой вынуждает внимательнее присмотреться к опыту Соединенных Штатов. Эволюция и перспективы демографического развития в России и США заметно различаются. В 1950 г. оба государства были крупнейшими по численности населения после Китая и Индии. СССР занимал третью позицию, Соединенные Штаты — четвертую, но даже если брать только Россию в ее нынешних границах, то, уступая США третье место, она занимала четвертое. Согласно прогнозам, к 2050-му г. Россия будет замыкать второй десяток стран, а США сохранят свое третье место. Секрет состоит в готовности этой страны принимать огромное количество иммигрантов. С демографической точки зрения Соединенные Штаты представляют собой тот альтернативный путь, в котором нуждается и Россия.

В самом деле, замедлить или прекратить сокращение населения России может только реализация стратегии активного привлечения

² Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2002 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision (<http://esa.un.org/unpp>).

³ Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Книжный дом «Университет», 2004. С. 173 — 195.

иммигрантов. Предполагающий такую стратегию стабилизационный вариант прогноза говорит о том, что для стабилизации численности населения России на уровне начала XXI в. необходимо уже сейчас обеспечить, наращивая примерно до середины века очень высокие объемы нетто-миграции в Россию.

При такой стратегии среднегодовое число оседающих в стране иммигрантов должно после 2025 г. заметно превышать 1 млн человек, вследствие чего будет быстро меняться состав населения России, в том числе, разумеется, и этнический. К середине XXI в. мигранты и их потомки с высокой степенью вероятности составят свыше трети населения нашей страны, во второй половине столетия могут превысить его половину, а к концу века потомки сегодняшних россиян окажутся уже в явном меньшинстве. И снова речь идет отнюдь не о специфически российской ситуации: в сходном положении находятся и многие другие страны «северного кольца». Согласно расчетам экспертов ООН, произведенным несколько лет назад, поддержание с помощью миграции неизменной численности населения таких стран, как Германия или Италия, также означало бы, что к середине столетия доля мигрантов и их потомков в населении этих стран приблизилась бы к 30 %⁴. Как и в России, впоследствии она, конечно, продолжала бы возрастать.

Подобные прогнозы, казалось бы, укрепляют позицию противников иммиграции, не без оснований твердящих об угрозе потери российской, европейской, американской, японской идентичности. Их аргументация поначалу производит впечатление, но вскоре становится ясно, что она строится на акцентировании, а часто и преувеличении отрицательных последствий приема большого количества мигрантов. Между тем не менее важно учитывать и его положительные последствия — демографические, экономические и иные. Бесспорно, быстрое нарастание доли пришлого компонента несет с собой немалые опасности, но связанные с ним выгоды ложатся на другую чашу весов, которая может оказаться тяжелее.

Экономические козыри иммиграции

Каким образом альтернативные миграционные стратегии могут сказаться на экономике России?

⁴ United Nations (2000), "Replacement Migration: Is A Solution to Declining and Ageing Populations?" N. Y., ESA/P/WP. P. 160.

Убыль населения страны по экстраполяционному варианту будет к тому же сопровождаться сокращением числа потенциальных работников — прежде всего людей в трудоспособном возрасте (по современным критериям — мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет). Число таких людей (далее — трудоспособного населения) на протяжении последних пяти десятилетий, несмотря на некоторые колебания, в целом все время росло. Этот рост продолжается еще и сейчас, но он сохранится недолго. Экстраполяционный прогноз предсказывает, что уже с 2006 — 2007 гг. начнется быстрое сокращение абсолютного числа россиян в трудоспособном возрасте. К 2050 г. их может оказаться на 45 % меньше, чем было в 2000 г., а к 2100 г. останется около 35 % от исходного числа начала века.

Если бы удалось реализовать стабилизационный вариант, положение было бы иным. Сокращение числа трудоспособного населения неизбежно и при таком варианте (это связано с меняющимся возрастным составом), но оказалось бы намного менее значительным и продолжалось бы, скорее всего, только до середины века. К этому времени оно сократилось бы менее чем на 15 % от уровня 2000 г., после чего наступила бы стабилизация.

Дело, однако, не только, а возможно, даже и не столько в количестве трудовых ресурсов, сколько в их структуре. Сокращению числа работников могут быть до известного предела противопоставлены повышение качества трудовых ресурсов, лучшая профессиональная подготовка, рост производительности труда и т. д. Но есть структурные ограничения, которые сохраняются даже при самом благоприятном изменении качественных характеристик.

Чтобы смягчить проблему старения экономически активной части населения, требуется дополнительный приток молодежи, а создать его в условиях низкой рождаемости может только иммиграция. Но что еще более важно, миграция может являться фактором формирования социальной пирамиды.

Богатеющие общества с более высоким уровнем образования и квалификации и быстро растущим средним классом неизбежно нуждаются в пополнении «низа» социальной пирамиды за счет притока менее квалифицированных и менее притязательных работников извне. Такой подход всегда применялся во всем мире при комплектовании трудовых ресурсов современных городов, особенно крупных. Их население первым «перешло» к низкой рождаемости и перестало воспроизводить себя. Но оно постоянно пополнялось сельскими жителями, согласными на жизнь в условиях, уже неприемлемых для горожан во втором и третьем поколении. И именно та-

кого рода крупные городские центры, быстро растущие за счет пришлого населения, становились главными локомотивами экономического развития и роста национального богатства. Что касается СССР, то долгие годы деревня была его внутренней колонией, жесткая эксплуатация которой позволила провести ускоренную модернизацию советского общества. А одним из главных механизмов такой эксплуатации была постоянная перекачка дешевой рабочей силы из деревни в город.

Настало, однако, время, когда внутренние источники притока подобных трудовых ресурсов в современные секторы экономики во многих странах, в том числе и в России, оказались исчерпанными и им понадобились новые, внешние источники. Так образовались экономические и социальные ниши, которые больше не хотят заполнять западные европейцы, а у нас — россияне, но которые с удовольствием заполняют не столь притязательные выходцы из бедных стран. Более того, поначалу они готовы закрепиться в городе даже на самых невыгодных для себя условиях, что открывает огромные возможности повышения «нормы эксплуатации» и быстрого обогащения эксплуататоров, новой формы «первоначального накопления капитала», очень важного для такой сравнительно бедной страны, как Россия (а таковыми сразу после Второй мировой войны были и европейские страны). По сути, иммиграция из менее развитых в более развитые страны представляет собой еще одно проявление «неоколониализма» со стороны последних. Как всякий колониализм, он много дает обеим сторонам, между которыми, однако, нет равенства. Как и любой колониализм, он лицемерен: наживаясь на дешевом труде приезжих, он одновременно обвиняет их в том, что они-де грабят Россию (Францию, Германию и пр.), пользуясь социальными льготами или отсылая на родину часть заработанных денег.

Иммиграция выгодна для стран-реципиентов, так как является одним из необходимых условий эффективного использования их относительно высокого человеческого потенциала. Нелегальная же иммиграция выгодна вдвойне — по той простой причине, что именно бесправный нелегал особенно удобен для неограниченной эксплуатации. Выгоды от иммиграции ощущает каждый, кто сталкивается с иммигрантом как работодатель, арендодатель, потребитель услуг, даже «правоохранитель» и т. п. Подогреваемая некоторыми политиками и ведущаяся чиновниками борьба с иммиграцией, в том числе и нелегальной, зачастую приобретает характер замаскированного инструмента усиленной эксплуатации пришлого населения, иной раз даже под лозунгами защиты его прав. Нередко такая борьба

просто оказывается неэффективной, ибо направлена против очевидных экономических интересов собственного населения или, по крайней мере, какой-то его влиятельной части.

В Соединенных Штатах, например, «санкции против работодателей» оказались не очень эффективными, а американские политики по-прежнему занимают неоднозначную позицию в этом вопросе. Так, правительству США было известно, что до 80 % работников, убиравших урожай лука в штате Джорджия, являлись нелегальными мигрантами. Служба иммиграции и натурализации (СИН) пыталась выполнить свой долг, однако этому воспрепятствовали законодательные органы штата, заставившие СИН отступить... Работодатели в сельском хозяйстве, строительстве и низкооплачиваемом секторе услуг по-прежнему утверждают, что у них «должна быть возможность нанимать на работу иностранцев, даже если они находятся на нелегальном положении»⁵. Есть ли основания думать, что борьба с нелегальной иммиграцией в России будет более успешной, чем в Америке?

Если российский бизнес выигрывает от притока иммигрантов, то российский наемный работник может от этого и проиграть, так как предложение дешевого труда иммигрантов создает давление на рынок труда и способно ухудшить условия найма для работников и даже породить безработицу. Однако если оставить в стороне проблему абсолютного «избытка людей», явно надуманную в стране, которая находится в состоянии депопуляции, то все опять-таки сводится не к связке «мигранты — коренные жители», а к соотношению труда и капитала. Политика маргинализации мигрантов, формально направленная на защиту национального рынка труда, по сути, усиливает позиции капитала. Она расширяет его возможности — как эксплуатировать мигрантов, так и диктовать свои условия на рынке труда вообще. Отсюда, видимо, и «странное сближение позиций выступающих против иммиграции и отличающихся ксенофобией правых партий с позициями склоняющихся влево профсоюзов, обеспокоенных наличием дешевой нелегальной иностранной рабочей силы»⁶.

⁵ Лэнснес К., Ньюланг К. Цели и методы иммиграционной политики США // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М.: Гендальф, 2002. С. 203.

⁶ Коданьоне К. Миграционная политика как планирование наугад // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М.: Гендальф, 2002. С. 22.

Этническая бомба?

Одна из основных тревог, которые российское общество испытывает в связи с иммиграцией, касается потенциального изменения этнического состава населения страны. В самом деле, сейчас примерно 80 % жителей России — русские, но, как отмечалось, если к концу века реализуется «стабилизационный» вариант демографического развития, то большую часть ее населения будут составлять мигранты и их потомки. К каким бы этническим группам ни относились мигранты, этнические русские в России станут меньшинством.

Нежелательность изменения этнического состава населения очень часто выступает в качестве одного из главных аргументов в пользу рестриктивной иммиграционной политики России. Этот довод, как ни парадоксально, кажется многим убедительным даже сейчас, когда его логика входит в явное противоречие с реальными процессами. До сих пор подавляющее большинство иммигрантов прибывали в Россию из постсоветских стран и были этнически русскими. Русские обеспечили весь прирост населения России в 1992 г., затем их доля в нетто-миграции снижалась, не опускаясь, однако, ниже 60 %. Еще около 10 % приходится на иные российские этнические группы — татар и др.⁷ Таким образом, нынешние антииммигрантские настроения, нередко националистически окрашенные, сформировались в условиях, когда реальная иммиграция способствовала не размыванию, а как раз укреплению моноэтничности России.

Но верно и то, что если Россия пойдет по пути реализации «стабилизационной» миграционной стратегии, то обществу придется принимать и интегрировать значительные потоки мигрантов, весьма далеких от русских в языковом, культурном и религиозном отношении. По некоторым оценкам, Россия в обозримом будущем может рассчитывать на привлечение примерно 3–3,5 млн этнических русских, еще примерно 0,5 млн представителей других коренных российских этносов, а также 3–4 млн представителей «титულных» народов бывших союзных республик, хотя и относящихся к другой культурной традиции, но, как правило, владеющих русским языком и тесно связанных с Россией историей последних двух столетий. «Переварить» такие потоки России было бы относительно несложно. Это тот самый

⁷ Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. М.: ИЭПП, 2004. С. 57.

ресурс, на эффективное использование которого должна быть направлена любая разумная стратегия (правда, из-за невнятной российской миграционной политики уже сейчас происходит частичная переориентация на другие страны миграционных потоков из государств СНГ; в стратегической перспективе это чистая потеря для России). Но если приведенные оценки верны, то речь идет всего о 7–8 млн человек, тогда как на ближайшие 25 лет требуется втрое больше.

Таким образом, России не избежать серьезных изменений этнического состава населения. Почему эта перспектива так тревожит общественное мнение? Ответить на данный вопрос отнюдь не просто, учитывая, что на протяжении столетий Россия по своей воле все время расширяла этническое разнообразие своего населения, и это никогда не считалось бедой для государства. Прежде такого рода расширение оправдывалось территориальной экспансией России. Но сейчас подобная экспансия потеряла всякий смысл, акценты сместились: России, как и многим другим странам, недостает не территорий, а людей. Современный Иван Калита должен решать сегодняшние проблемы; собирание людей на самой большой в мире государственной территории было бы не менее мудрым государственным шагом, чем собирание земель более шести столетий назад.

Однако не станем упрощать проблему: различия в языке, культурных, религиозных, бытовых традициях нередко служат источником взаимного непонимания, усложняют взаимодействие между людьми. Но, помимо этого, активная миграция из развивающихся стран означает то, что основная масса «чужих» сосредоточивается в нижней части социальной пирамиды. Пожалуй, это и составляет главную трудность, причем возрастающую по мере увеличения масштабов и темпов миграции.

Хотя, прибывая в страну, иммигранты и готовы согласиться на любые условия, но по прошествии некоторого времени они начинают ощущать себя представителями дискриминируемого меньшинства, для которого закрыты многие возможности. Эта ситуация блокирует или сильно замедляет ход их интеграции в принимающее общество, создает стимулы к внутреннему сплочению на основе консервируемых «этнических», традиционалистских ценностей, питает протестные, в том числе и экстремистские, идеологии, «этническую» преступность и т. п. Таким образом, массовая иммиграция и в самом деле способна превратиться в серьезный дестабилизирующий фактор, поскольку речь идет не о вымышленной, а о реальной опасности.

Даже в США, стране иммигрантов, гордо назвавшей себя «плавильным котлом», все громче звучат голоса в пользу ограничения иммиграции. «Иммиграция — острейшая проблема, требующая немедленного решения, ибо ставится вопрос о том, а кто мы, американцы, собственно, такие?»⁸. «Постоянный приток испаноговорящих иммигрантов угрожает разделить Соединенные Штаты на два народа, две культуры, два языка. В отличие от прошлых иммигрантских групп, мексиканцы и другие латиноамериканцы не ассимилировались в господствующую американскую культуру, формируя вместо этого свои собственные политические и лингвистические анклавы... и отвергая англо-протестантские ценности, которые создали американскую мечту»⁹. «Подобно Миссисипи, неторопливой, долгой и дарующей жизнь, иммиграция во многом обогатила Америку, о чем не позволит забыть наша история. Но когда Миссисипи выходит из берегов, опустошение остается чудовищное...»¹⁰.

Та же озабоченность слышна и в Европе. Выступая в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы», Жан-Мари Ле Пен заметил: «Целые города Франции находятся в ситуации, когда они охвачены массовой волной иммиграции... Если мы не сделаем все возможное, чтобы решать свои внутренние проблемы внутри своих границ, и если мы уничтожим эти границы, мы будем потоплены этим потоком». А вот что говорит вице-спикер Госдумы Сергей Бабурин, упоминая о «незаконных иммигрантах», которые «не тысячами, а миллионами готовы переселяться на нашу территорию из Китая или других стран»: «У нас 144 миллиона жителей в России. Если к нам приедут 300 миллионов иммигрантов из Китая, то возникнет вопрос: какой язык будет государственным?»

В самом деле, если в России окажется 300 млн китайцев, то возникнут вопросы и посерьезнее, но откуда взялась эта цифра? Согласно упоминавшемуся стабилизационному прогнозу, даже при очень высоком уровне иммиграции в Россию, необходимом для сохранения неизменной численности ее населения, нужно, чтобы в течение столетия в стране осело примерно 100 млн иммигрантов. Это, конечно, тоже немало, но все же не 300 млн, и к тому же совсем не обязательно, чтобы все иммигранты были китайцами. Стоит ли нагнетать страсти вместо того, чтобы трезво оценить реальные масштабы проблемы? Паника — не лучший способ поведения в трудные минуты.

⁸ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 187.

⁹ S. Huntington. The Hispanic Challenge // Foreign Policy. March — April, 2004.

¹⁰ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 187.

Способ выпустить пар

Совокупное население стран «северного кольца» — порядка 1,2 млрд. человек — составляет пресловутый «золотой миллиард». Сегодня это примерно 20 % населения планеты. Они занимают около 40 % мировой суши, а приходящаяся на них доля мирового богатства еще больше. Им — или, если угодно, нам — есть что терять, так что озабоченность в связи с нарастающим притоком пришельцев с Юга понять нетрудно. Но важно попытаться осмыслить проблему во всей ее сложности.

Все сторонники жесткого ограничения притока мигрантов, идет ли речь об американце Бьюкенене, французе Ле Пене, австрийце Хайдере или их российских единомышленниках, которым несть числа, убеждены, что ключ к решению вопроса находится в руках стран, принимающих мигрантов. Стоит только убедить их граждан в реальности миграционной опасности, принять жесткое миграционное законодательство, позволяющее регламентировать количество и качество допускаемых иммигрантов, отрасли экономики и регионы страны, в которые тех следует или не следует допускать, — и опасность миграционного потопа, а заодно и передела мирового богатства будет ликвидирована.

Подобные рассуждения учитывают интересы только одной стороны мирового миграционного взаимодействия — стран-реципиентов. Но ведь у этого взаимодействия есть и другая сторона: население стран — миграционных доноров. В начале XX в. в них проживало не более 1 млрд. человек, но уже сейчас число их жителей приближается к 5 млрд. Через 50 лет, даже при реализации наиболее благоприятных, хотя и не самых вероятных вариантов мирового демографического прогноза, оно может составить 7—8 или более млрд. Наивно думать, что все эти люди будут равнодушно и пассивно взирать на антимиграционную стену, возводимую странами «золотого миллиарда». На Юге стремительно увеличивается число тех, кого Север привлекает как огромное поле потенциальных возможностей, подобно тому как некогда их собственные края манили европейских мореплавателей и конкистадоров. Как сказал в одном из интервью генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, уже сейчас «многие люди во всем мире воспринимают Европу как континент неограниченных возможностей. Они хотят сюда попасть, чтобы начать новую жизнь. При этом они следуют примеру миллионов бедных, но активных европейцев, которые когда-то отправлялись в Новый Свет, потому что видели в этом свой шанс».

Миграция в богатые страны, даже если она влечет за собой выполнение менее престижного и хуже оплачиваемого по меркам этих стран труда, позволяет мигрантам из бедных государств почти сразу же достичь более высокого, чем у себя на родине, уровня жизни, дать образование детям, приобщиться ко многим благам современной цивилизации и т. п. Она служит пусть и относительно скромным, но все же не совсем ничтожным механизмом перераспределения финансовых ресурсов между богатым Севером и бедным Югом. По оценке Всемирного банка, еще в конце 1980-х мигранты ежегодно передавали на родину часть своих доходов, составившую 65 млрд. долларов — сумму, уступавшую только совокупным доходам от продажи сырой нефти¹¹.

А в 2002 г., как заявил в упомянутом интервью Аннан, «мигранты перевели в развивающиеся страны более 88 млрд. долларов — на 54 % больше, чем те 57 млрд. долларов, которые развитые государства выделяют в качестве помощи развивающимся странам». Все это делает миграцию весьма привлекательной для новых и новых миллионов выходцев из стран Юга, и миграционное давление на «северное кольцо» растет.

Таким образом, современные международные миграции — это отнюдь не только механизм демографической и экономической «подпитки» депопулирующих стран «северного кольца», дозированной в соответствии с их потребностями. Может быть, что еще более важно, это один из факторов, который хоть как-то противостоит стремительному нарастанию демографического и экономического дисбаланса между Севером и Югом, позволяя понемногу выпускать пар из перегретого мирового котла. Так надо ли противодействовать растущему миграционному напору на развитые страны и возводить на его пути плотину, которая может и не устоять? Не будет ли более дальновидным задуматься над усовершенствованием миграционного клапана, увеличением его «пропускной способности» и рассматривать расширение миграционной емкости стран «северного кольца», а значит, и России, как самостоятельную задачу, выдвинутую историей и вытекающую не из одних лишь внутренних потребностей этих стран, а из всей глобальной ситуации?

¹¹ Kane H. Leaving home. State of the World 1995. New York: W.W. Northon & Co., 1995. P. 143.

Надо ли идти навстречу опасности?

Если опасности, связанные с массовой иммиграцией, дают о себе знать уже сейчас, при нынешних ее объемах, то не возрастут ли они многократно, если привлечение крупномасштабных миграционных потоков станет одной из самостоятельных стратегических целей? Такое развитие событий весьма вероятно, и это не может не требовать принятия уже сегодня стратегических решений. Как всегда, столкнувшись с серьезной угрозой, общество оказывается перед трудным выбором.

Можно понять крепнущее коллективное желание решить миграционные проблемы, опираясь на стратегию глухой обороны, максимально ограничить приток мигрантов в Россию: мол, не будет мигрантов, не будет и проблем.

Ну а если жизнь все-таки возьмет свое и плотина будет прорвана? Ведь нарастающее миграционное давление Юга на Север не случайно. Речь идет о процессах, которые по своей глубинной обусловленности сродни движению геологических пластов. На фоне сложнейшей глобальной социальной реальности возведение очередного «железного занавеса» вокруг одной страны или даже вдоль границы всего «северного кольца» выглядит средством слишком простым и мало-мощным, чтобы быть эффективным.

Не надежнее ли отказаться от попыток переиграть объективные процессы, перестать тешить себя иллюзиями собственной силы, которая позволит отсидеться за надежной стеной, и вместо этого выйти навстречу реальной опасности, с тем чтобы упредить нежелательное развитие событий? Все-таки главная глобальная драма современности разыгрывается не столько в физическом, сколько экономическом, социальном, культурном пространстве нашего многомерного мира. Там вызревают и главные угрозы, против которых бессильны пограничные заставы и контрольно-пропускные пункты. Туда и надо выдвигать главные силы.

А если это так, то не следует ли сменить всю «миграционную философию» и озаботиться ограничением ее отрицательных последствий? Задуматься над тем, как обезвредить «этническую бомбу», а неиспользованную взрывную энергию направить на созидательные цели?

Патрик Бьюкенен, обеспокоенный мексиканской экспансией в США, объясняет свою тревогу тем, что «у мексиканцев не только иная культура — в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывают, что людям разных рас слож-

нее ассимилироваться, нежели "родичам по расе"». Утверждения такого рода слышны и в Европе, и в России.

Спору нет, этнические перегородки затрудняют взаимопонимание между людьми. Но разве не возникают подобные же трудности при взаимодействии коренных столичных жителей и выходцев из сельской глубинки, образованных и неграмотных, богатых и бедных, даже если они выросли из одного этнического корня?

Можно ли устранить все эти перегородки и барьеры? Пусть и не сразу, и не без труда, и не за одно поколение, но сельское население может стать городским, неграмотное — высокообразованным, бедное — зажиточным. Это вроде бы не вызывает сомнения. А вот в отношении этнических перегородок такого единодушия нет. Более того, с легкой руки кремлевских идеологов советского времени этим перегородкам у нас всегда придавалось особенно большое значение. Замысловатые игры с «национальным строительством», реализация принципов этнотерриториального районирования, фиксация в советском паспорте национальности наряду с такими идентификационными параметрами, как дата и место рождения, обязательное указание этой характеристики во всех анкетах и личных делах, проведение опирающейся на нее кадровой политики и т. п. — все это придавало этнической принадлежности статус чего-то неизменного и чрезвычайно важного.

Кто станет отрицать значимость для человека исторической памяти своего народа, усвоенного с детства языка, родной культуры, религиозной традиции предков — всего того, из чего складывается его «этническая принадлежность»? Это очень важные ценности, но они не более чем часть общей системы ценностей, в которой не обязательно занимают самое главное место. И уж во всяком случае это место не остается неизменным на протяжении веков. Одно дело — жизнь в замкнутой горной долине или в глухой таежной деревне, другое — в Москве или Нью-Йорке. Хотим мы этого или нет, современная действительность выставляет свои требования и отодвигает многие локальные ценности, еще недавно казавшиеся основными, на второй план. И приходится смиряться с тем, что, к примеру, люди, приехавшие в США из трехтысячелетнего Китая, могут оставаться китайцами, сохранять китайский язык и китайские обычаи: ведь все равно самое существенное для них — принадлежность к американской нации, знание английского языка и умение ориентироваться в местной экономической и социальной среде. Именно так довольно долго работал американский «плавильный котел», хотя в последнее время он, кажется, стал давать сбои. Так, все громче звучат жалобы на то, что «идентичности, основанные на "крови и вере"» бросают вызов «национальной

идентичности Соединенных Штатов, так же как и других государств-наций», и что этот вызов не встречает должного ответа, в частности, из-за «распространения среди политиков и интеллектуалов доктрин мультикультурализма и разнообразия»¹². Нечто подобное происходило и в СССР — в той мере, в какой страна развивалась конвергентно с другими промышленными и городскими обществами. Но Советское государство, которое, неизменно обращаясь к лозунгам интернационализма, столь же неизменно дискредитировало их в своей практической «национальной политике», так и не позволило по-настоящему разгореться огню под своим «плавильным котлом».

Иоганн Готфрид Гердер, предтеча современного этнонационализма, утверждал, что «самое естественное государство — такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером. Этот характер сохраняется тысячелетиями»¹³. Правоверный советский гражданин был вполне готов к тому, чтобы подписаться под этим утверждением: советское «национальное по форме и социалистическое по содержанию» воспитание способствовало развитию этнического самосознания в ущерб самосознанию общегражданскому, оттесненному на второй план. Само понятие гражданской (а не этнической) нации никогда не воспринималось у нас массовым сознанием. За все это СССР расплатился исчезновением с географической карты, но его бывшие граждане, в том числе и россияне, унаследовали советскую иерархию ценностей и вошли с ней в постсоветскую эру.

Если она сохранится, приток в Россию большого количества мигрантов будет попросту невозможен: каждый пришелец с непривычным разрезом глаз или цветом кожи будет восприниматься как чужой, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде конфликтных ситуаций. Российский «плавильный котел» не может быть запущен «без магистрального доктринального поворота от этнического к гражданскому пониманию нации и национального, от сплочения на основе общего прошлого к сплочению на основе общего будущего. Без такого поворота страна увязнет в бесконечных этнических конфликтах и при нынешнем высоком уровне моноэтничности и, уж конечно, окажется неспособной к приему миллионов иноэтничных иммигрантов»¹⁴. Но, даже если такой поворот произойдет, это не означает автоматического бесконфликтного решения всех проблем, связанных с интеграцией

¹² *Huntington S.* The Hispanic Challenge.

¹³ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 250.

¹⁴ Перспективы миграции и этнического развития России. С. 95.

иммигрантов в российский социум. Главные проблемы лежат все же в социальной сфере, а она, как мы видели, весьма противоречива. Если опасность потери контроля над миграционными и интеграционными процессами существует даже в США, то тем более она актуальна для России, не имеющей американского опыта конструирования нации из иммигрантов. Так что для нас выработка и реализация дальновидной миграционной стратегии особенно важны.

Общество должно будет выстроить сложную и, скорее всего, дорогостоящую систему «сопровождения» вновь прибывающих, их обучения, вовлечения в российский культурный универсум и т. п. Было бы большой ошибкой, если бы мы взяли на вооружение популистские рекомендации Ле Пена, например такую: «Главное, чтобы люди, приезжая во Францию, знали, что ничего не будет для них бесплатно — ни школа, ни медицинское обслуживание, никакие социальные льготы, поскольку в первую очередь люди, которые создавали национальное наследие, должны пользоваться этими льготами». Возможно, Ле Пен забыл, что еще недавно Франция являлась второй по значению колониальной империей в мире и в создании французского национального наследия участвовали также жители весьма отдаленных от Франции стран. Так что мигранты из Алжира, Вьетнама или Французской Экваториальной Африки, как этот регион назывался до 1958 г., могут посчитать, что тоже имеют права на некоторые социальные льготы на родине Ле Пена.

Но даже если Ле Пен и прав, его подход весьма близорук. «Переработка» как можно большего числа прибывающих мигрантов, их «натурализация», превращение их самих и, уж во всяком случае, их детей в полноценных, лояльных граждан, разделяющих социокультурные традиции принимающих государств, отвечает глубинным интересам экономически развитых стран, да и всего мирового сообщества. И за это надо платить.

Ничего нового в такой стратегии нет. Ее давно уже реализуют все принимающие иммигрантов страны. Да и у России еще с екатерининских, а может быть, даже и с петровских времен есть немалый опыт приема в стране и немцев, и сербов, и болгар, и армян, и греков, которые вливались в российский «многонациональный народ», по выражению одних авторов, или в «многонародную нацию», как писали другие. Даже такой откровенный сторонник «России для русских», каким был царский генерал, одно время военный министр Алексей Куропаткин, утверждал, что «инородцы, которые сознательно выберут своим языком русский язык, своею родиною — Россию, своею службою и деятельностью только усилят русское племя»¹⁵.

Существует много факторов, подталкивающих Россию к скорейшей разработке и реализации активной иммиграционной стратегии. Главный из них — сокращение населения страны. Ведь численность населения у нас непрерывно падает, а при этом уменьшается и число инокультурных иммигрантов, которых страна способна «переварить» и интегрировать. Немаловажно и то, что в силу сокращения численности детей и молодежи российская система образования располагает сейчас резервами, которые как раз и могли бы быть использованы для «перековки» мигрантов в полноценных россиян, предоставления им среднего специального и высшего образования, профессиональной подготовки в сферах промышленности, строительства и обслуживания, обучения и воспитания их детей в русских школах, дошкольных и внешкольных учреждениях, создания широкой сети курсов русского языка для иностранцев и пр. Но эти резервы при отсутствии спроса на них могут очень быстро испариться.

Нельзя давать укрепляться антииммиграционным настроениям, и без того уже достаточно сильным в России. И политическая элита, и «простые люди» должны осознать, что мир переживает небывалые перемены и так, как было раньше, уже не будет. Иммиграция при всех ее угрозах и опасностях дает России шанс на выживание и даже на своеобразную мирную экспансию. Стратегия антииммиграционного изоляционизма и глухой обороны — это путь в никуда.

¹⁵ Куропаткин А.Н. Россия для русских. Задачи русской армии. Т. 3. СПб., 1910. С. 243.